

НИКИТА ЛОГВИН КОЛОМБИНА ДЛЯ РЫЖЕГО

ЗВЕЗДА РУНЕТА #ПРО ЧУВСТВА

Annotation

Золушка для принца или Укрощение строптивой.

У Тани Крюковой, студентки университета, есть любящий отец, личная жизнь и желание быть счастливой. Она совсем не рада возвращению в эту жизнь рыжего и наглого Бампера — самоуверенного владельца ночного клуба, три года назад посмеявшегося над внешностью провинциальной девчонки и прозвавшего ее Коломбиной. И пусть Его Величество Случай — известный шутник, сегодня у девушки найдется сотня нелестных эпитетов, чтобы поставить наглеца на место!

Ничего не изменилось, и то, что однажды началось с игры в «бутылочку», вновь закончится войной! Так думали Танька и Рыжий, встретившись спустя время, но любовь найдет способ доказать двум горделивым упрямцам, что у нее на них свои планы.

Логвин Янина

Коломбина для Рыжего

© Логвин Янина, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

— Эльвира Ивановна, значит? Тетя Эля? А может, просто — Ивановна? Хм, а почему нет? Терпеть не могу все эти «здрасьте-подвиньтесь». Вот прямо скулы сводит от тупых формальностей, честное слово! Чего нам расшаркиваться, Ивановна, мы же, считай, свои люди! Вот только прическа у тебя отстойная, как у примороженного к льдине пингвина, да и сама... ну чисто тебе театральная гардеробщица. Почему это? Да потому, что бледная и вышколенная, как закулисная мошь. А ты чего, тетя, по струнке вытянулась? Чего в караул-то встала, как славный народ Вьетнама перед Хо Ши Мином? Я же к тебе без наезда, без предьявы. Без ксивы! Расслабься, дорогуша, я не кусаюсь.

Я захожу в нашу с отцом квартиру и сбрасываю туфли с уставших ног. Бросаю ключи на полку у двери, стягиваю с волос резинку, разминая пальцами затылок. У стены прихожей испуганно замерла девица лет тридцати пяти, типичный серый чулок. Она важно топорщит грудь и поджимает тонкие губы перерзевшей гимназистки, наблюдая за мной. Переминается с носков на пятки, поглядывая на отца, сбитая с толку моим внешним видом и грубым приветствием, но я знаю, что мне осталось всего ничего, чтобы навсегда выдворить ее с родной территории, и я подхожу к девице и тихо произношу, со всей серьезностью глядя в распахнутые глаза:

— Г-гав! — и тут же развожу руками, отступая, когда она как угорелая несется мимо меня к двери, срывая с вешалки потертую сумочку, кутаясь на ходу в дешевенький плащик.

— Андрюша! Ну, знаешь ли! Ты, конечно, предупреждал, говорил, что твоя дочь бывает несдержанна и своенравна, что воспитывалась без матери, но это... Это даже для меня слишком!

— Ой-ой-ой, какие мы нежные и ранимые!

— Элечка! — кричит отец, нагоняя ее, пока я любуюсь его спортивными штанами, надетыми наизнанку, и голым поджарым торсом. — Элечка, подожди! Вернись! Элечка...

— Да пусть катится, пап! Подумаешь...

Я ужасно устала, долгий разговор с Серебрянским, глупые претензии его семьи, наша ссора и трехчасовая дорога на электричке в пригород порядком измотали меня, и все что мне сейчас хочется, это принять ванну, надеть халат, сунуть голову под подушку и свернуться клубком на своем старом потертом диване, забывшись сном.

Отец останавливается у порога и беспомощно всплескивает руками, когда входная дверь подъезда этажом ниже с грохотом закрывается, навсегда отрезая собой Элечку из моей жизни. Надеюсь, и из его тоже.

— Таня! Дочка! Ну что ты творишь? Какая вожжа тебе под хвост попала, что ты завелась с порога, вот так запросто обидев человека? Ведь ты ее совсем не знаешь!

Я открываю обувной шкаф и роюсь рукой в ворохе отцовских туфель и кроссовок, отыскивая среди них свои домашние тапки — старые, истертые, со смешными заячьими ушами.

— Ох, тоже мне упущение. Не начинай, пап.

— Таня, ты не права! Это было грубо!

— Угу, как всегда, — легко соглашаюсь. Хлопнув дверцей, на миг закрываю глаза, встречая вместе с любимой обувью знакомое ощущение дома и покоя. — Кстати, — смотрю на расстроенного отца, — я тоже до визга рада тебя видеть.

— Дочка...

— Пап, — я вдруг почти сержусь, — давай обойдемся без нравоучений. И без тебя тошно.

— Ты не понимаешь. У нас все серьезно!

— Да? — я даже не удивляюсь. Просто вздыхаю громко, настолько мне все это знакомо и осточертело. Без меня пусть делает, что хочет, не маленький. Но когда я дома, соблюдать видимость семьи — наше с ним давнее условие общего благополучия. — В который раз, Крюков? Не устал играть роль благодетеля Прометея, обогревая ночами одиноких Снегурочек? Брось, а?

— Татьяна! — ого, да мы научились рычать? — Это не твое дело!

— Спокойно, — я поднимаю руки и ретируюсь. Волочу дорожную сумку по полу к своей комнате. — Конечно, не мое, кто спорит? Мое дело учиться, учиться и еще раз учиться. Слыхали, помним, соответствуем.

В доме чисто и приятно пахнет чем-то до боли вкусным и пряным — домашней выпечкой, и я нехотя ставлю плюсик отцу: так уютно обустроить свою жизнь в отсутствии жены, еще суметь надо. Хотя сорок лет, здоровый мужик, чему я удивляюсь?

Крюков топает за мной, угрюмо дыша в затылок.

— Что, мать не звонила? — интересуюсь, заранее зная ответ. Скорее по привычке, чем по искреннему любопытству. Вдохновленный трепет ожидания в этом вопросе давно покинул меня.

— Нет.

Я молчу, и отец повторяет, должно быть, в тысячный раз, тоже по привычке. Так уверенно, словно я до сих пор все та же доверчивая десятилетняя девчонка.

— У нее работа, Тань, ответственная и важная для страны. Ты же знаешь...

И я киваю. Вот только слезы, как бывало в детстве, уже не наворачиваются на глаза. И губы не дрожат от зависти и обиды, что это не мы с отцом рядом с мамой в журнале и на экране телевизора, а совсем незнакомые дяди и тети.

Нет, по большей части дяди, кому я вру.

— А как же, пап, знаю: и в пятьдесят по-прежнему трахать тридцатилетних мужиков. Круто быть начальницей с регалиями и почетом. Шилом в заднице и компасом во лбу! Геологоразведка, романтика! Жуй до пенсии — не хочу! Развелись бы уже, и дело с концом. Ведь давно не связывает ничего.

— Как это ничего? — отец растерянно пожимает плечами, осторожно заглядывая мне в глаза. — И придет же в голову! Ты нас связываешь, Тань. Наша дочь.

— Ой, да брось, пап, — я бросаю сумку у стены и приваливаюсь плечом к стене, оглядывая тоскливым взглядом свою комнату. Такую же несуразную и бестолково-яркую, как я сама. Цветную обертку так и не превратившейся в бабочку куколки, не больше. —

Мучение тебе одно с такой женой. Всю жизнь мучаешься. Зачем?

— Много ты понимаешь! — теперь очередь отца сердиться, и я не могу его за то винить. — Переодевайся уже, горе ты мое невоспитанное, и шуруй на кухню! Там Эля пирог испекла рыбный, с луком и яйцом. Будем есть!

Когда я прихожу на кухню, отец уже надел футболку и вернул штанам надлежащий вид. Он суетится у стола, привычно разливая чай, нарезаая сыр, колбасу... Красиво поигрывая при этих обычных движениях бицепсами на мускулистых руках. Я смотрю на него от порога, и в который раз удивляюсь выбору матери: интересный мужчина, чего ей не хватало? Но лишь недавно совершенно точно поняла для себя: свободы. И все равно смириться с таким ответом не могу.

Увидев на столе свою чашку, снятую с кухонной полки специально для меня, я подхожу к отцу и приникаю к его спине, обнимая под грудью.

— Пап, ну извини. Погорячилась я, признаю. Молодец, Элечка.

Широкая ладонь тут же касается моих пальцев.

— Предупреждать надо, Тань. Что, позвонить не могла? Я же не в тайге живу и не на морском шельфе, в отличие от некоторых. Могла и обронить два слова: приезжаю, мол, встречай.

Он уже не сердиться на меня, и мне, как всегда, становится легко рядом с ним.

— Не-а, не могла.

— Что, прожорливый червяк в кошельке все деньги сожрал?

— Не угадал. Просто так паскудно на душе было, пап, хоть волком вой. Какое уж тут звонить, просто очень хотелось домой. К тебе.

— Танечка, — отец оборачивается ко мне и прижимает к себе. Сглатывает напряженно. — Что случилось? Тебя кто-то обидел? Ты только скажи, дочка, и папа всех вот этим самым ножичком искрошит в пыль, ты же знаешь!

— Знаю, пап.

— Так что произошло?

— Все хорошо. Точнее, не очень. В общем, взрослею, вот и все. Ничего глобального, кроме истраченных нервов.

— А-а, — он отстраняется, мягко усаживая меня на стул. Отрезает от пирога щедрый ломоть и укладывает его на тарелку, подсовывая мне под нос. — Тогда ешь давай, — привычно командует, опускаясь рядом, — набирайся сил. Это куда легче и безболезненнее, чем набраться ума.

Когда-то он кормил меня с рук, двадцатилетний парень, по сути еще мальчишка, пока его тридцатилетняя жена, бывший педагог, а нынче подруга по жизни, находила десятки причин, чтобы уйти из дома, и моя избирательная память сохранила это воспоминание из детства очень ярким фрагментом.

И я соглашаюсь, легко принимая его заботу.

— Это точно, пап.

Когда уже все новости рассказаны, пирог съеден, а за окном становится совсем темно, я подхожу к двери отцовской спальни и прошу, зная, что он не спит.

— Пап, ты позвони Элечке. Извинись за меня и все такое. Хорошо?

— Хорошо. Спокойной ночи, дочка. Я рад, что ты дома.

— И я люблю тебя, пап.

День рождения Алины Черняевой отмечали всей группой: первый курс, конец зимней сессии, впереди каникулы. Казалось бы, нет в мире вещи, способной омрачить лучшие дни студенческой жизни обычной провинциальной девчонки. Казалось... пока в этой новой, счастливой жизни не случился он. Слишком наглый, слишком развязный и слишком самоуверенный в себе тип, под глупой автомобильной кличкой Бампер. Двоюродный брат виновницы торжества.

Он появился в дверях загородной дачи семьи Черняевых, куда Алина пригласила нас в канун рождественских праздников отметить свой день рождения, с двумя друзьями и сразу же с порога заявил, что порядком изголодался. По хорошей жратве, по крепкой выпивке, по отвязному драйву и по горячему женскому вниманию. Особенно по женскому вниманию. Нас было семнадцать девчонок и пятеро парней, эти трое внесли заметное разнообразие в нашу шумную компанию, мы пили, танцевали и веселились, от души поздравляя именинницу, пока черт, а точнее Оля Попова, растолкав всех и рассадив по кругу, схватив со стола пустую бутылку из-под вина, не предложила сыграть в известную всем «бутылочку».

Мне было весело. В мои семнадцать лет я никогда не целовалась и не пользовалась успехом у мальчишек, лишь заручением в дружбе. Я и подумать не могла, что шанс получить свой первый поцелуй выпадет мне в этот глупый январский вечер с наглым, рыжим зубоскалом.

Он сидел, развалившись в кресле, притянув на колени очередную девчонку, без стеснения шуруя рукой под ее блузкой и потягивая пиво, когда тонкое горлышко винной бутылки неожиданно указало на меня, выбрав в качестве приза для уверенного в себе нахала. Помнится, первую минуту я улыбалась, не принимая выбор фортуны всерьез. Надеюсь, что кто-нибудь из более смелых девчонок отметит шуткой факт моего смущения и нежелания продолжать игру, тут же позабыв о Таньке, пока друзья Бампера вдруг не стали подначивать его «на слабо».

— Надо же? — лениво заметил Рыжий, хлопком по заднице сгоняя подругу с колен, между длинными глотками пива смеряя меня любопытным взглядом. — Какое яркое платье и... носки в стрекозах? Детка, у тебя что, проблемы с гардеробом? Или я не в теме и здесь сегодня маскарадная вечеринка?

Кажется, я встала, вспыхнув от стыда, потому что почувствовала вдруг, как тело натянулось струной, а кулаки привычно сжавшись, зачесались, как чесались всегда в детстве, когда кто-то пытался меня обидеть. Рыжий отставил банку с алкоголем и удивленно присвистнул, цыкнув на кого-то из друзей.

— Ты издеваешься, Стас? Она?

— А почему нет, Витек? Прими, как должное, и не заставляй народ ждать. Мы все — само внимание. Правда, Серега?

— Давай, Рыжий, не тяни! Если сдох, тогда вали с фуршета, у нас договор. Мне эта малышка нравится. Чудная! На Пеппи Длинныйчулок похожа.

— Облезешь, Серый. Для коллекции сгодится. Ну, — оскалился Рыжий, хлопая себя по коленке, — иди сюда, Коломбина. Чего смотришь? Снимем с тебя заводскую пломбу и пустим по миру человеком. Так и быть, закрою глаза и представлю, что передо мной девушка, а не трагикомик в юбке. Кстати, девушка, у тебя под платьем есть за что

поддержаться? Или печально все?.. Тогда крикни Альке, что мне нужен стопарь!..

— ...Тань, не молчи! Ну, куда ты собралась на ночь глядя? Мы же за городом гуляем, ты забыла? Завтра первым утренним рейсом все вместе уедем.

— Алин, иди к гостям, я хочу уйти.

— Да не обращай ты внимание на Витьку! Он еще тот дурак, все знают! У него мать модельер, а в прошлом известная модель, вот и выеживается. Воспитание «от кутюр» показывает. Он неплохой, правда, только с гонором и избалован вниманием, как любой любимчик семьи. Сколько помню, дядя только обещается его ремнем отлупить, а сам всю жизнь во всем потакает. Наплюй, Тань! Наши поймут, а он уже и забыл! Вон, смотри, с Поповой лижется!

Алина Черняева хорошая девчонка, симпатичная, умная и добрая, совсем не похожая на своего брата-остряка. Мне не хочется обижать ее и доводить до слез. Я и сама чувствую, что вот-вот разревусь от колющих спину насмешливых взглядов. От терзающего кожу, горящего на мне желтым факелом дурацкого платья в розово-синих ромбах, купленного вчерашним утром в комиссионке, еще час назад казавшегося таким красивым. От собственного безвкусица, от прилюдной буффонады, от охватившего меня вдруг косноязычия, совсем не присущего девчонке, выросшей на улице в мужской компании.

— Пятнадцать километров зимней просекой, Тань! Одна! Еще три по городу до общаги. Подумай! А наши мальчишки пьяные все!

— Плевать! Кажется, ты сама советовала. К утру дойду.

— Дай мне время хотя бы вызвать такси! Всего сорок минут. Крюкова, не дури, слышишь!

Но я решительно натягиваю на плечи полушубок «под зебру», сапоги, меховые наушники и шагаю к двери. Оборачиваюсь у выхода на несколько секунд, чтобы сказать:

— Извини, Алина. Еще раз с праздником. Все было замечательно, правда, кроме твоего брата. Пожалуй, передай ему, что он редкий мудака!

— Передам, — лепечет расстроенная именинница и грустно смотрит мне вслед, пока я торопливо сбегая с крыльца и исчезаю за кованой калиткой. Кричит на кого-то вглубь дома, но я уже направляюсь заснеженной тропкой, а затем дорогой к городу вдоль автобусного маршрута. Все дальше удаляясь от праздника и от наглого рыжего гада, все-таки заставившего меня разреветься.

Он появился на моем пути меньше, чем через полчаса. Вышел из черной «тойоты», взрывшей носом снег на обочине, и загородил широкими плечами дорогу.

— Слушай, Коломбина, ну извини, если обидел, — заметил с неожиданным участием, поймав меня за предплечье и притянув к себе. Должно быть, клещи сестры добрались до яиц нахала, раз уж он оставил горячую вечеринку и поехал за мной, но сдавили их не достаточно сильно, потому что кривая самоуверенная ухмылка так и не покинула лицо Бампера. — Чего ты завелась-то? Подумаешь, платье! Я пошутил! Вырастет у тебя грудь, не переживай. Такие, как ты, поздно зреют, успеешь еще натискаться. Лопай шпинат с капустой, и все будет в норме. Пошли назад, а?.. Алька волнуется. Ну, Коломбина, чего молчишь?.. А хочешь, я тебя без свидетелей поцелую? Просто так, вместо извинения? Я не против. Ты, конечно, чудачка, и груди у тебя нет, но, знаешь... зато у тебя губы и глаза красивые.

Его лицо было так близко, а сам он так уверен в себе, что я решилась сделать то, что всегда умела делать на «отлично». То, что мне сейчас хотелось сделать больше всего: стереть наглый оскал с его лица.

— Иди сюда, — это было последнее, что успел сказать Рыжий, ухмыляясь, прежде чем я бросила сумку, развернулась на каблуках и зарядила обидчику кулаком в глаз. Отпустила сжатую до предела пружину гнева, встречая с болью, ударившей в пальцы, заметное душевное облегчение.

От неожиданности Бампер осел на одно колено и схватился рукой за лицо. Раньше ему не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, поняла я, потому что шок, на долгую минуту моего триумфа завладевший парнем, почти обездвижил его. Шумно выдохнув и чертыхнувшись, рыжий гад сграбастал широкими ладонями снег, приложил к месту удара и вспылil скорее растерянno, чем по-настоящему сердито.

— Твою мать! Ненормальная! С ума сошла!

Он поднялся на ноги и изумленно уставился на меня сквозь упавшую на глаза, рваную челку. Сплюнул раздраженно, впрочем, больше не наполязая с объятиями.

— Коломбина, ты рехнулась? Что это было?

Вечеринка отшумела и стихла, оставшись в прошлом, а благодаря рыжему гаду, прилюдно давшему мне обидное прозвище, развеялась и магия вечера. Я больше не была скована интимностью момента, не пыталась произвести впечатление на незнакомых парней красивым платьем и стройными ногами, смущение покинуло меня, и настоящая Таня Крюкова, дочь улицы и своего отца, высунув голову из трусливого окопа самобичевания, решительно растоптала каблуком белый флаг вселенской скорби.

— Фонарь! Для прояснения сознания! Сам напросился, придурок! Еще раз ко мне подкатишь, и второй глаз так подсвечу, что без фар на свой фуршет поедешь! Понял?! Скажи спасибо, что нос не откусила, лезет он с поцелуями! Вот же коз-зел!

Я развернулась, схватила сумку и гордо потопала по дороге прочь, на прощанье сердито пнув носком сапога тихо урчащую на обочине сытым котом «тойоту». Поскользнувшись на повороте, упала, раскорячившись на четвереньках, вскочила на ноги и побежала, давая деру от сердито взревшего где-то позади автомобиля.

— Козел?! — раздалось, казалось, у самого затылка, и вместе с визгом тормозов меня окатило снежными брызгами. Крепкая рука поймала воротник полушубка, развернула к парню и потащила по снегу. Бросила на теплый капот. — Клянусь, девочка, — рассердился Бампер, нависая сбоку, — ты у меня на беду напрочишься!.. Садись в машину, — рявкнул в ухо, распахивая переднюю дверь, — кому сказал!

— Сейчас! — уперлась я рукой в твердую грудь, другой рукой пытаюсь освободить воротник из цепкой хватки. — Разбежалась носом в песок! Только бантики в коски вплету и сяду! Вали на свою немаскарадную вечеринку, гоблин, чего привязался! Не стану я с тобой целоваться!

Должно быть, Бампер подавился, потому что голос парня зазвучал по-новому глухо.

— Размечталась! Нужна ты мне, ненормальная! Ночь на дворе, а мы за городом, потеряешься еще. Альку расстраивать не хочу, а так бы плюнул на тебя, бешеную! Катись, куда хочешь!

— Пошел к черту! Ты пьян!

— Пусть! А ты — дура!

— Металлолом конопатый! И вообще, гад!

— Коломбина!

— Рыжий!

— Отпусти, — я почти взмолилась, сообразив, что из хватки парня так просто не

вырваться, оттянутый воротник полушубка сдавил шею, а Бампер дышит неожиданно близко у щеки. — Отпусти, дурак, задушишь.

Отпустил. Отошел, чертыхаясь, но прежде втолкнул в машину. Подобрал с земли сумку, бросил куда-то на заднее сидение и, хлопнув дверью, отвернулся, закулив сигарету, на две долгие минуты уставившись в ночь.

— К Алине не поеду! — упрямо сказала я, когда парень забрался в «тойоту» и завел мотор. — Лучше пешком! Если отвезешь на дачу, всем скажу, что это я подбила тебе глаз! А так совершь что-нибудь.

— Очень надо, — ссудил Бампер. — Куда? — только и спросил, не глядя в мою сторону, но, услышав адрес, вернул на лицо так и не пропавшую ухмылку. — Общага?.. Надо же, Коломбина, — тихо засмеялся, до того обидно, что сразу захотелось придать его лицу буро-фиолетовую симметрию, — и почему я не удивлен?

* * *

И почему я не удивлена, что после двух с половиной счастливых лет душевного покоя судьба так жестоко шутит со мной, подсовывая все новые испытания? Сначала Серебрянский со своими критериями большой и светлой любви, желательно в пастельных тонах, как нравится его маме, потом отец со своей Элечкой, теперь вот Воробышек...

— Жень, скажи, что ты пошутила? Это же глупость какая-то.

— Почему глупость, Тань? Его все так называют — Бампер. Совершенно без шуток.

— Но ты сказала, что свидетель — хороший друг Ильи. И что зовут его Виктор.

— Все правильно. Зовут Виктор, но друзья называют — Бампер. А ты что, с ним знакома? Почему так удивилась?

— Я-то? — Я сижу за кухонным столом напротив подруги, в квартире ее жениха Люкова, уплетаю за щеку десятую конфету с миндалем и усиленно держу на лице маску честного человека. — Нет, конечно! Так, видела когда-то. Издалека. По-моему, ничего особенного. Классификация «Выпендрожник и бабник обыкновенный».

Воробышек звонко смеется, очень легко и счастливо, и я невольно ловлю себя на мысли, что завидую этой легкости. С удовольствием заражаюсь счастьем подруги, улыбаясь в ответ.

— Ясно, — кивает Женька. — Тогда мои страхи напрасны, и ты останешься с трезвой головой, потому что Илья уверен, что перед обаянием Бампера женскому полу трудно устоять, — тянется над столом, чтобы подлить мне чаю. Заботливо подсовывает под нос мясной пирог. — Ешь давай, Тань. Знаю я, как ты готовишь. Без меня, наверно, голодные с Вовкой сидите, да?

— Ну, — неопределенно пожимаю плечом, — да. — Как сказать счастливой подруге, что Серебрянский дал мне от ворот поворот, — не представляю. Особенно в минуту приближающегося торжества свадьбы. Не стоим мы с Вовкой того, чтобы переживания за нас сказались на настроении воробышка. Слишком я люблю эту девчонку. — Любовь-морковь, Жень, сама понимаешь, не до готовки. Да и кухню нашу общежитскую терпеть не могу.

— Знаю, Тань, — с серьезным видом поправляет очки Женька, — вот и предлагаю. Сама ешь и Вовке возьми, все равно пирог большой получился. Нам с Ильей никак не съесть. — Смотрит на меня пытливо, склонив голову. — Что-то на тебе, подруга, сегодня

лица нет. Все хорошо?.. Если это Серебрянский ворчит по поводу того, что я попросила тебя быть моей свидетельницей, то скажи ему, что я все равно тебя ни на кого не променяю. Пусть не ревнует, Виктор с девушкой придет. Да и приятный он парень, Бампер, должен Вовке понравиться. Ох, — вздыхает грустно, — Тань, надеюсь, у тебя не будет с Серебрянским из-за нас проблем? Хочешь, я ему сама позвоню?

Все-таки прав отец, и я в душе неостребованная актриса. Потому что улыбаюсь подруге все время, пока топаю в прихожую и, собираясь уходить, целую воробышка в щеку.

— Не придумывай, Женька! — бравирую искусственным смехом. Сама знаешь, что Вовка мне не указ! Никуда не денется, нравится, не нравится — перетопчется! Береги себя, — показываю взглядом на уже заметно округлившийся живот. — И Люкову своему скажи, чтобы берег, не то будет иметь дело со мной!

— Беги уже, Крюкова! — отмахивается Женька. Поправляет на мне кофту. — Тоже мне — женщина-терминатор нашлась! Скоро совсем стемнеет, а тебе еще ехать на свидание. Могла бы и Вовку с собой привести. Чего это он упрямится? В следующий раз обязательно вместе приходите, ладно? Илья против не будет.

— Ладно, Жень, обязательно придем. Ну, пока! — сбегая вниз по лестничному маршу, минуя лифт. — Звони! — нависнув над перилами, кричу вверх в туннель поручней. Спрыгнув с предпоследней ступеньки, поворачиваюсь к входным дверям подъезда... и утыкаюсь взглядом в улыбочное рыжее лицо. Точно так же, как мое собственное, удивленным лемуром застывшее в янтаре.

— Коломбина?! Ты?

* * *

Знаю, глупо было просто сбежать. Но что я могла сказать? Надеюсь, Люкову не слишком важно оказалось мое «здрасьте», иначе быть мне вечной чудачкой, при виде которой здоровые люди крутят у виска пальцем.

* * *

Женька с Ильей выходят из подъезда семьи Воробышек в Гордеевске самой красивой парой, какую я когда-либо видела в своей жизни. Лиля и Настя вопят в две глотки, подпрыгивая, как чумные, обсыпают молодых пшеницей и розовыми лепестками, и я воплю вместе с ними, локтями расталкивая сгрудившуюся у крыльца толпу гостей и просто любопытных. Командую проходом молодых к белоснежному лимузину, пуская слезу в искренней радости за свою счастливую подругу.

— Знакомься, Бампер, это Таня, подруга моей птички, — улыбается Люков, усаживая в лимузине Женьку к себе на колени. Откидывается в глубоком сидении, отчего пышные юбки невесты почти сразу же скрывают их лица от наших глаз.

— А это Виктор, Тань! Лучший друг Ильи! — добавляет Женька, и тут же пропадает для меня, утонув в объятиях пока еще своего парня.

Они не виделись день и теперь целуются, не в силах оторваться друг от друга, как встретившиеся любовники после двенадцати лет одиночества, и мне приходится самой

протянуть руку Виктору. Первой пойти навстречу старому обидчику, не желая дальше оттягивать минуту официального знакомства. Чувствуя на себе внимательный взгляд, торопясь покончить с этой частью наших обязанностей, одним махом облегчив жизнь и себе, и ему.

— Привет! — я растягиваю губы в улыбке и поднимаю на Бампера глаза, усиленно изображая, что вижу высокого крепкого парня, усевшегося напротив меня, впервые. — Я Таня! Как ты слышал, подружка невесты. Приятно познакомиться.

Лимузин тронулся, и вместе с плавным ходом машины и веселым окриком водителя «Горько!», я тянусь за рукой вперед, пока лучший друг Люкова, откинувшись в кресле, медленно расстегивает на себе пуговицы дорогого пиджака и ослабляет узел галстука, отнюдь не спеша скрепить горячим приветствием предложенное рукопожатие.

Через минуту я так и сижу с протянутой рукой, как дура, с силой сомкнув голые колени, отмечая, с какой ленивой скукой их оценивают голубые глаза, надеясь, что платье на мне не слишком коротко, а сидение достаточно глубоко, чтобы этим бесстыжим глазам удалось смутить меня. Сижу, наблюдая, как сильная жажда, внезапно обуявшая рыжеволосого гада, гасится долгоиграющей бутылкой минеральной воды.

— Не нравится, не смотри! — наконец, не выдерживаю, поправляя юбку. Терпение никогда не было сильной стороной моей натуры, и сегодня, когда нервы с утра потряхивает от двухнедельного отсутствия звонков Серебрянского и предчувствия встречи с самоуверенным зубоскалом, выдержка напрочь изменяет мне, заставляя выказать слабость.

— Если честно, не очень.

— Ничего, переживешь.

— Платье. А вот грудь впечатляет. Вижу, шпинат с капустой пошли тебе на пользу.

И будто не было двух с половиной лет, и я снова слышу удивленно-нахальное: «Ты издеваешься, Стас? Она?»

— Слушай ты, как там тебя — Капот! Если сейчас же не пожмешь мне руку, я тебе этой самой рукой бутылку, как пустышку в рот впихну! Обещаю! Я все еще жду!

Ну вот, и не хотела грубить, а не сдержалась. Прав Вовка и мама его права: куда с такой в приличное общество? Надеюсь, хоть Женька не слышала.

Пожал. Не знаю, проникся ли угрозой, но на рукопожатие ответил.

— Все-таки это ты, Коломбина, — сказал со знакомой, расплзающейся на пол-лица ухмылкой. — А я уже было подумал, что ошибся.

Я не обязана развлекать нахального бандерлога всю дорогу к ЗАГСу и еду дальше, пялясь по сторонам. Стараюсь, как могу, поддержать настроение праздника, во время остановок у памятных мест громче всех горланя «Горько!» и обсыпая молодых комплиментами. Обношу гостей шампанским и конфетами, выползая наперед, отдавая почетной миссии «свидетельницы», и строго слежу за тем, чтобы Женьку с Ильей не сильно донимали вниманием.

— Еще раз откроешь бутылку с игристым, Коломбина, и схлопочешь по заднице. Я не шучу! Я тут мужик, а ты так, просто рядом постояла, поняла?

— Еще раз назовешь меня «Коломбиной», мужик, и я тебе нос откушу. Я тоже серьезно!

— Ты специально вырядилась в оранжевое платье, как работник дорожной службы, чтобы у нас не было проблем с патрулем? Тогда зеленые босоножки здесь не в тему, тебе бы ломики и кирзачи. И фликер* на лоб! Хотя высокий каблук тебе идет.

— А ты назло мозолишь мне глаза своей конопатой физиономией? Чего прилип?

Кажется, ты на мероприятии не один, а с подругой. Вот и дуй к ней, модник, проводи мастер-класс фешн-специалиста! А мне и без твоих советов нормально живется!

А он возмужал, пусть и был два с лишним года назад выше меня почти на голову. Плечи в добротном скроенном костюме кажутся еще шире, чем я запомнила, подчеркивая хорошую фигуру, руки в бицепсах крепче, шея мощней... Да и фирменный пиджачок на парне сидит, как влитой, говоря, что со вкусом у Рыжего все в норме, в отличие от меня, и его слова падают на незаживающую рану самооценки едкими крупными соли.

— А я и провожу. Моя подруга на сегодня ты. С горя обрыдаться! И меня отнюдь не радует соседство с мигающим светофором. Представляю, что в завтрашних газетах напишут о твоём наряде. Шутка ли, свадьба сына самого влиятельного человека города, и тут такой... э-э, просчет в ближайшей свите молодых. Будь уверена, Коломбина, найдутся охочие попенять семье. Да хоть фотографии! Смотри, как стараются перед Боссом выслужиться! Давай, девочка, сделай им ручкой «хэй»! Им понравится.

Рыжий стоит, сунув руку в карман брюк, и нагло скалится в бокал с шампанским, а мне вдруг становится физически нехорошо. Господи, я ведь и не подумала. Одно дело репутация Таньки Крюковой, недофрика со стажем, то ли чудной, а то ли бесшабашной девчонки, и совсем другое Женька...

Эх, не надо было на себя надеяться, вот же дуреха! А все казалось таким красивым!

— Думаешь? — растерянно бормочу, подступая к парню ближе и заглядывая в голубые глаза. — Думаешь, напишут?

* * *

Кто бы мне сказал еще два года назад, когда я только вошел в дом сестры, что запомню ее нескладную гостью, — не поверил бы. Слишком угловатая и колючая, как на мой вкус. Слишком острая на язык и слишком смелая. Странная и живая девчонка в смешном платье героини комедии масок, не похожая ни на кого.

Она оказалась права, и история с подбитым глазом для друзей была рассказана совсем иная. А тогда, оказавшись с чудачкой вдвоем в лесу, я почти смеялся с того, как ловко у девчонки получилось отомстить мне за публичную насмешку. В два счета разозлить, расстроить планы и умело подбить глаз, на добрую неделю лишив женского внимания. Выставить дураком перед собой, отказавшись от предложенного ей поцелуя.

Чертова Коломбина!

Я узнал ее сразу в подъезде дома Люка, а сегодня, увидев рядом с невестой, рассмотрел, как следует.

Она обрезала волосы, и теперь ее темно-каштановая, почти черная копна непослушной волной лежала на плечах. Не знаю, воспользовалась ли она моим советом, или природа все же взяла свое, но грудь у девчонки появилась, а нескладные формы заметно смягчились, чего нельзя сказать об упрямом выражении лица и гордой линии подбородка, при виде меня, воинственно взлетевшего вверх. Мне хватило пары минут, чтобы отметить все эти изменения в старой знакомой, но так же, как и в первую нашу встречу, едва я увидел ее, моим вниманием полностью завладел яркий рот. Такой подвижный и чувственный, спелый, с четкими трещинками на пухлых губах, словно принадлежал искусной в соблазнении мужчин продажной жрице любви, а не обычной острословой, кареглазой девчонке. Которая с первой

минуты нашего знакомства только и делала, что раздражала меня. И чьи длинные стройные ноги на высоких каблуках, то и дело мелькали между гостями.

— Витя, какая шикарная свадьба! Как хорошо, что ты меня пригласил! Людмила Карловна обещала, что это будет впечатляюще, но я и подумать не могла, что торжество соберет столько людей! А ведь мы еще даже не приехали в знаменитое поместье Градова!

— Да, малыш, ты права. Тебя ждет незабываемый вечер.

— Вить? — высокая светловолосая девушка трется об меня, как кошка, пока мои пальцы гладят ее модельный зад, привлекая к себе. — Неужели тебе все время нужно быть возле молодых? Нет, я, конечно, понимаю, что ты свидетель, и все такое... но я так скучаю! А ты все время рядом с другой. Эта Таня смешная. Она тебе нравится? Подумать только, ну и наряд у подружки невесты! Твоя мама померла бы со смеху!

— Нравится? — я легко отыскиваю взглядом мелькнувшую в стороне оранжевым сполохом юбку и зеленый каблук. — Глупости, конечно, нет.

— А я? — тонкие пальцы ложатся на щеку, возвращая блондинке мое внимание.

— А ты, малыш, — мне ничего не стоит подарить спутнице улыбку, оскалившись Чеширским котом, — очень!

Я почти не вру. Мать знает толк в моделях, и девчонка хороша. Она старалась весь вечер, ночь удалась, и минет под первыми лучами солнца вышел просто отличный. Я все утро чувствовал сытость в теле, и не ее вина, что рядом с Коломбиной эта сытость вдруг сошла на нет. Я почти испугался, когда она предложила мне руку. Испугался непонятной реакции на простое рукопожатие. Словно девчонка своим присутствием окунула меня в дежавю.

Дурак. Неужели всему виной чертов фингал. Умора!

— Я старалась, Артемьев. Надеюсь, ты оценил.

— Еще бы! — Я игриво сжимаю упругую ягодицу, и девушка смущенно вскрикивает, оглядываясь по сторонам. — Ты заслужила сегодня быть здесь, детка.

— Вить, с ума сошел? Люди же вокруг! — довольно хихикает, поглаживая мое плечо, пока я целую ее в щеку и отпускаю, чтобы вернуться к Коломбине и Люку с его хорошенькой птичкой.

— Ну, давай, малыш, не скучай. Помни: я рядом.

Помни, говорю своей спутнице, а сам тут же о ней забываю, едва Коломбина выводит меня из себя уже тем, что дышит одним со мной воздухом.

... — Моя подруга на сегодня ты. С горя обрыдаться! И меня отнюдь не радует соседство с мигающим светофором. Представляю, что в завтрашних газетах напишут о твоём наряде. Давай, девочка, сделай фотографам ручкой «хэй»! Им понравится.

Я с усмешкой жду ответ на свой едкий спич, девчонка вывела меня из себя, и я готов злить ее дальше. Жду колкости, колючего взгляда, ругани, чего угодно... но только не того, что она вдруг опустит руки, побледнеет в лице и, сникнув в плечах, подступит ближе.

— Думаешь? — спросит доверчиво, распахнув глаза, заставив меня подавиться шампанским. — Думаешь, напишут?

* * *

Он допивает шампанское не спеша. Молча отставляет бокал в сторону, передает в руки кому-то из подросших девчонок и, не отрывая от меня взгляда, закуривает сигарету. Я стою

от него слишком близко, всего в шаге, и встречаю неожиданно приятный запах его парфюма и мягкий — табака, с болезненным ожиданием вот сейчас, через секунду ударящей в лицо насмешки.

Но Бампер не смеется. Вместо этого он откровенно рассматривает меня, оглаживая щеку табачным дымом, говорит задумчиво, окончательно прогнав с лица улыбку:

— Не думаю, а уверен, Коломбина.

— Пожалуйста, не называй меня так. Кажется, я просила.

— Не могу. Ведь ты Коломбина и есть. Я прав?

Прав. Тысячу раз прав! К черту тебя! Я отворачиваюсь от парня, желая провалиться сквозь землю от этой правды. Злясь на него, что вновь заставил меня почувствовать себя беспомощной и уязвимой, как в зимний вечер нашего знакомства. Сетуя на невозможность немедленно исправить ошибку, убегая от самой себя в руки, вдруг оказавшейся прямо передо мной, белопенной Женьки.

— Таня, что с тобой? Что случилось?

Рука Люкова на тонкой талии подруги, Воробышек продолжает улыбаться, и мне бы трижды подумать, прежде чем сгонять улыбку с ее лица, но я едва ли улавливаю тень этой мысли, как уже бросаю в сердцах, не в силах сдержать в себе тревогу:

— Женья... Женька, ты скажи, я ужасно выгляжу, да? Я тебя позорю? Вот прямо сейчас перед всеми позорю, да? Может, мне лучше уйти?

Воробышек удивляется так искренне, что не дает и на секунду усомниться в правдивости ее слов и своем отношении ко мне. Хмурится, бросив взгляд на Илью, обнимая меня за плечи.

— Что за ерунда, Крюкова? С ума сошла? Откуда такие мысли?

— Не важно. А если завтра свадьбу поднимут на смех? Из-за того, как я выгляжу? Вдруг скажут, что нарядилась, как светофор?

— Ты выглядишь замечательно! Глупости! Мне все равно!.. Сама выбирай, какой ответ тебе по душе, но больше и слышать не хочу от тебя ничего подобного! Таня, ты поняла?

Строгость Женьке дается с трудом, и все же подруге хватает нескольких слов, чтобы привести меня в чувство, прогнав страх. За время нашего знакомства она привыкла к переменам в моем настроении и сейчас говорит, не допуская сомнения в голос. Своим уверенным ответом давая понять, что я важна для нее. Просто Крюкова, такая, как есть — яркая, несуразная, в коротком кричащем наряде. И я почти ненавижу себя за проявленную слабость. За то, что огорчила ее, и за то, что так легко позволила Рыжему проникнуть под наглухо застегнутый для всех панцирь.

Люков отстраняется, позволяя обнять невесту, и я тут же благодарно касаюсь губами ее щеки.

— Да. Спасибо тебе, Женька! Ты самая лучшая!

— Бампер! — слышу за спиной сердитый рык Ильи. — Твоих рук дело? Убью, партнер!

И неожиданно бесцветный голос Рыжего гада.

— Да ладно, Люк, остынь, я пошутил. Кто виноват, что подруга твоей птички такая впечатлительная.

Да уж. Впечатлительная. Что есть, то есть. Руки вновь сжимаются в кулаки от желания почесать их о чье-то наглое лицо, которому так идет кривая ухмылка. Я поворачиваюсь, чтобы высказать Бамперу все, что думаю о нем, но наткнувшись на пристальный взгляд, не произношу ни слова. Просто ухожу к гостям, нацепив на лицо улыбку, с мыслью, что мне не

нравится, как он смотрит на меня. Так, как будто ему есть, за что меня жалеть.

Да пошел он!

Церемония бракосочетания Ильи и Женьки в ЗАГСе проведена по всем правилам, я рада за друзей, и улыбки, которыми мы обмениваемся с Рыжим, традиционно скрепляя таинство брака каждый своей подписью, искренни и сердечны. Бампер корректен и вежлив, я больше не слышу от него смешков с упреками и расслабляюсь, позволяя себе, пусть на время, забыть о переживаниях последних недель и просто наслаждаться праздником. Но настоящий праздник ждет всех, когда гости оказываются в загородном поместье отца жениха.

Большой Босс потрясает размахом щедрости и широким подходом к жизни. Дом к торжеству убран по-королевски, и я, пожалуй, как добрая сотня гостей, что оказались в поместье впервые, целый час просто таращусь по сторонам, от изумления забыв закрыть рот. Придя в себя, весь вечер исполняю почетную роль свидетельницы, развлекая народ криками «Горько», и только когда молодые вдруг исчезают, а вошедшее в пик торжество позволяет остаться наедине с собой, уединяюсь на балконе, с удивлением обнаружив в телефоне семь неприятных звонков от Серебрянского.

— Вова? Привет, — здороваюсь с парнем, две недели назад по доброй воле перешедшего в статус «бывший», когда он сразу же отвечает на звонок знакомым «Алло».

— Вовка, ты звонил? Я скучаю.

— Звонил. И я.

— Тогда почему? — между нами нет недомолвок, и так все ясно, но я снова задаю ему изводящий меня вопрос. — Почему ты не здесь, не со мной?

— Ты сама знаешь «почему».

— Но если тебе не все равно, если ты скучаешь, какая тебе разница? Пошли всех к черту!

— Не надо было обижать их, Тань.

— А меня? Меня, значит, можно было обижать?

— Но они ведь сказали правду.

— Какую? Что я невоспитанная хамка? Или что слишком глубоко засовываю язык в рот их сыночка?

— Что ты слишком много позволяешь себе прилюдно, и да, не следишь за своим языком.

— Но если мне хочется поцеловать тебя или просто обнять, почему я должна скрывать свои чувства? Это же твоя семья. Предполагается, что они тебя любят! И почему я должна бояться что-то сказать?

— Я объяснял тебе: в нашей семье не принято так бурно проявлять эмоции. Говорил не раз. Неужели так трудно было сдержаться? Всего каких-то полчаса, пока мы были в гостях! Я не против, чтобы ты лезла с поцелуями, когда мы наедине, но когда за столом, и отец пытается до тебя достучаться... Когда мать делает тебе замечание, а ты, вместо того, чтобы вежливо ответить на вопрос, просто его не слышишь...

— А если мне захотелось? И потом, он говорил ерунду! И мать тоже! Я нормально одеваюсь! Тебе же нравилось!

Серебрянский тяжело вздыхает, и крылья за моей спиной, едва встрепелувшись, тут же никнут в предчувствии необратимого.

— Тань, извинись, и все будет по-прежнему. Что тебе, трудно? Почему ты упрямисься?

— Не могу.

— Ты не хочешь, так и скажи.

— Не хочу.

— Я люблю тебя и прошу так мало. Если ты тоже меня любишь...

— Серебрянский, не начинай...

— Вот! Ты никогда этого не скажешь, Крюкова! Никогда.

— Не понимаю.

— Не скажешь, что любишь меня!

— Перестань говорить чушь! Ты же знаешь, что да. Просто я не люблю все эти сопли, вот и все!

— Не верю.

— Но я же говорила!

— Только когда я тебя просил. Ладно, Тань. Извини, что позвонил. Просто мне вдруг показалось, что сегодня может что-то измениться. Но нет.

— Вовка?

— Да, пусть лучше ты услышишь от меня. Я помирился с Наташей. Мы уже неделю как вместе, так что глупо дальше скрывать от тебя наши отношения. Надеюсь, ты не станешь донимать Сомову в университете? Не ее вина, что у нас все так вышло.

— Помирился с... Наташей? Но, как же...

— А вот так, просто. Позвонил, и она пришла. В отличие от тебя, Наташа всегда готова идти навстречу и простила меня. Простила, что уходил к тебе.

Я ничего не понимаю. Я отказываюсь что-либо понимать. День выдался не повесенному летним, шумным, полным впечатлений и забот. Солнце достаточно разогрело кожу, чтобы налетевший вдруг со стороны пруда прохладный майский ветерок застал врасплох подобно словам парня, и я непроизвольно ежусь от проступившего на коже озноба.

Неужели мужской голос, что доносится сейчас из динамиков, говорит всерьез?

— Ты же... Ты говорил, что она тебе просто школьный друг. Что было детское увлечение и прошло. Что ты не хочешь дальше притворяться, обманывая ее чувства надеждами...

— Это правда. Не хотел.

— Тогда я снова ничего не понимаю!

— Мне жаль, но я не стал скрывать от нее нашу ссору. Мне нужен был кто-то, чтобы забыть тебя, вот и все. А Наташа всегда была рядом. Как друг, конечно.

— Ч-что? Тогда... Тогда ты гад, Серебрянский! Потому что я была о тебе лучшего мнения!

— Таня, подожди...

— Сволочь!

— Ты просто не хочешь увидеть ситуацию моими глазами!

— Предатель! А я надеялась... Знать тебя не хочу! Слышишь!

— Я не обманывал тебя, мы расстались! И потом, я не сказал, что для нас все потеряно. Просто хочу, чтобы ты поняла, как для меня важно...

— Да пошел ты! Хромой клячей в задницу Сомовой! Хочет он!

Балконная дверь тоже в стоворе с Серебрянским и впускает меня в дом только с пятой попытки. Я распаиваю ее и несусь вниз по лестнице, затем по коридору огромного особняка Градова, стуча каблуками, как угорелая, стремясь убежать прочь от шумящего праздника, стараясь сдержать себя в руках и не разреветься.

Сволочь! Какая же сволочь! Значит, все это время, как друг! А еще говорил, что любит!

Ненавижу!

— Ого! Полегче на поворотах, девочка. Не заносись!

Крепкая рука останавливает мой бег и выдергивает из пелены злости, почти утопившей меня. Высокая фигура Бампера вдруг заслоняет плечами кругозор, переключая внимание с посеревшей реальности на белозубую, некстати широкую ухмылку лучшего друга теперь уже мужа моей подруги.

И снова этот не к месту приятный запах парфюма и табака. И глаза — голубые, наглые, всезнающие...

— Ты куда пропала, Коломбина? Полчаса ищу. Я что, один за нас двоих отдуваться должен? Разыскивать тебя по всему дому? Илюха с птичкой свалили, гости в пьяном угаре, теперь мы с тобой главная шоу-программа вечера. Еще раз слиняешь, наподдаю по упругому и симпатичному, клянусь!

...И пальцы, горячими обхватами впившиеся в голые предплечья... Непрошеным прикосновением вспугнувшие бьющий тело озноб.

Ну почему именно он? Видеть никого не хочу!

Господи, до чего же этот Бампер меня раздражает!

— Снова ты, Рыжий! — выдыхаю со злостью. Знаю — не вежливо, знаю, что он ни при чем, но сломаться в лице в его руках куда унижительней и страшней.

— Снова я, Коломбина.

Руки сами тянутся к парню, цепляясь в низко расстегнутый на груди ворот рубашки. Ноги делают шаг, а лицо поднимается навстречу взгляду, остановившемуся на моих губах.

— Я тебя просила. Я предупреждала! Обещала, что откушу нос, если еще раз назовешь меня этим дурацким прозвищем!

— Ну, обещала...

— Говорила, чтобы не вязался за мной, как веревка! Что без указок твоих обойдусь!

— Что-то похожее было, да.

— Прогоняла к подруге!

— Это ты зря. Я тебе объяснил.

— Плевать! Какого же черта ты снова рядом?! Зачем?

Не знаю, кто из нас делает первый шаг — я или он. Скорее всего, оба. Падать больно, но с первым же мгновением падения я чувствую, как в легкие входит свобода и забытие.

А дальше происходит то, что произойти не может. Не может, и все же случается. Не со мной, не сейчас и не с Рыжим. С кем-то другим, пустой оболочкой, недочеловеком. Это не я обвиваю руками крепкую шею, притягивая парня к себе, не он подхватывает меня под задницу, толкая к стене, проваливаясь в какую-то комнату. Не он грубо задирает платье, умелым движением стягивая с ноги белье, вскидывая вверх и ударяясь в меня сильными бедрами... Не я впиваюсь в требовательные губы с отчаянным стоном, почти кусая их в желании наказать за жадность. Не я, не я, не я...

О, Господи! Это и близко не похоже на любовь. Это похоже на голый спарринг-секс — бесчувственный и отвратный. Принесший такое быстрое, опустошающе-яркое наслаждение, что я немею в изумлении и шоке от того, что совершила. Что мы вместе совершили. Я и проклятый Рыжий.

— Че-ерт, милая, это было... Вау! До сволочного приятно!

Он отваливается от меня и отпускает, а может, это я отталкиваю его — неважно. Я просто пялюсь на свои голые ноги, на задранную вверх юбку и начинаю задыхаться, едва Рыжий уносит с собой тепло, и краски реальности меркнут, возвращая меня в серую

безысходность вечера.

— Надо же, Коломбина, ты прокусила мне губу! Но я тоже хорош. Надеюсь, не сильно помял? Прости, что без цветов и презерватива, но, девочка, ты застала меня врасплох.

Сортир. Дорогой. В белом мраморе, со статуей голой нимфы у позолоченной кривоногой ванны и пухлыми ангелочками в виде фресок на потолке. Изысканная вульгарщина. Место, только с виду приличное, а на деле такое же отхожее, как я сама. Всего-то купюры на полу не хватает, чтобы пасть еще ниже, узнав себе цену.

— Я... на таблетках.

— Черт! Логично, — в голосе Бампера слышится облегчение. — Буду знать, милая. На мой счет можешь не переживать, все чисто. Обычно такие моменты я контролирую.

Я натягиваю белье, колготки, отвернувшись от парня, поправляю платье, не в силах взглянуть в его сторону. Не желая видеть в его глазах отражение той, кем только что для него стала. Даже голос предает меня, и все же я прошу. Стараясь сохранить в нем хоть толику твердости.

— Не называй меня милой. Это не так.

— Почему вдруг? — удивляется Бампер. — Очень даже так! — мне кажется, или я вновь за шумным вздохом слышу ухмылку в его словах? — Ты всегда будешь для меня милой, детка, когда мы будем делать «это».

— И деткой тоже. Что? — я все-таки смотрю на него. На довольную рыжую морду, в немом вопросе вскинувшую вверх темную бровь. — Ты издеваешься, что ли, надо мной? — замираю, полуобернувшись. — «Это» больше никогда не случится!

Все-таки взглянула. И не хотела, а глаза сами нашли теплый взгляд: сытый, довольный, почти урчащий. Кто знает, быть может, для Бампера подобный секс обычное дело, и только мне сейчас так гадко от самой себя?

Господи, дура! Какая же я дура!

И как только могла такое с собой сотворить!

— Не кори себя, Коломбина. Ну, случилось и случилось. Главное, что нам двоим было хорошо. Я такие моменты из виду не упускаю.

— И не думала даже. Много ты знаешь.

— Врешь! — Рыжий заправил рубашку, застегнул ширинку и теперь уверенно дергает пряжкой ремня, вгоняя последний в шлевку брюк. — Мы давно должны были сделать это. Еще два с лишним года назад, на даче у Альки. Тогда я мог стать для тебя первым. Я прав?

— Сделай одолжение, заткнись, а? — я оглядываюсь в поисках оброненной сумочки-клатча, вновь избегая смотреть на Бампера. Заметив ее, раскрытую у порога, сажусь на корточки, сгребая рассыпавшиеся по полу предметы. — Не твое дело.

— Не мое, Коломбина, — легко соглашается парень. — Просто жалею, что не узнал раньше, насколько ты горяча. Я бы к тебе подкатил иначе. А так глаз ты подбила заслуженно, было за что. Если надумаешь повторить — дай знать, милая, я против не буду.

Он подходит вплотную и останавливается, нависая надо мной. Садится на корточки, поднимая навстречу своему взгляду мой подбородок.

— Все хорошо?

— Это больше не повторится. Никогда. Просто сложный разговор с бывшим за минуту «до» и ты. Я просто использовала тебя. Не ты меня, а я, понял?!

— Уу... — моя бравада смешно звучит даже для меня, и он наигранно огорчается, проводя большим пальцем по моим губам. — Так мы не наставили никому рога, малыш? Хм,

досадно.

— Прекрати! — Я вскакиваю на ноги, не в силах больше видеть его улыбку. Порываюсь уйти, но сильная рука уверенно ловит мое запястье.

— Подожди, Коломбина, — Бампер останавливает меня на пороге, разворачивая к себе лицом. — Не так быстро.

— Что еще? — раздражаюсь. Шум праздника, в какой-то момент сошедший на нет, возвращается с новой силой, и после всего случившегося ноги так и норовят убраться подальше от Рыжего и из особняка Градова, каким бы он ни был роскошным, в тишину общаговской комнаты. Чтобы, наконец, остаться наедине с покаянными мыслями и свершенными поступками. С тем, что заставляет меня сейчас отчаянно краснеть под спокойным голубым взглядом.

А Женька, надеюсь, меня простит.

Я смотрю на руку парня и медленно отцепляю от себя его пальцы, чертыхаясь в душе на то, как легко кожа принимает их прикосновение.

Но Рыжий сам отпускает меня. Возвращается в ванную комнату и поднимает сброшенный было на пол пиджак. Отряхнув для приличия, протягивает мне.

— Надень.

— Зачем это? — удивляюсь я непонятному жесту Бампера. — А-а, — разрешаю усмешке появиться на губах, — надоел мигающий светофор? Или хочешь испытать свою подругу на ревность?.. Не советую проверять, Рыжий, рискуешь не досчитаться волос. Я-то уж точно твоей Барби не по зубам. Лучше ей предложи, а я обойдусь, не маленькая.

— Скорее примелькался, — вновь тормозит он меня, останавливая в дверях. — Давай надевай, Коломбина! Не кочевряжься! — тычет одежду в руки. — Если не хочешь, чтобы народ сообразил, чем это мы с тобой здесь занимались, — многозначительно дергает бровью, показывая взглядом на разошедшуюся по среднему шву юбку, неприлично оголившую часть ягодицы. — Да не укусит он тебя, — давится смехом, глядя, как я, скрипя зубами, быстро вползаю в его пиджак.

— Сам виноват, увалень!

— Ой, попросишься, девочка...

— Я домой, а ты как хочешь! — даже в модном пиджаке с плеча Бампера я не намерена в отсутствие Женьки оставаться в доме, потому решительно направляюсь мимо гудящего ульем празднества парадного зала к выходу.

— Я отвезу.

— С какого чуда? Боишься, что стащу вещичку?

— Боюсь. А еще хочется отвязаться от тебя по-человечески.

— У тебя нет машины.

— Ничего, позаимствую. Нет желания получить нагоняй от новоиспеченной женушки Люка.

— Ты снова пьян.

— Разве? А мне казалось, что я не промахнулся.

— Дурак!

— Вампирша!

— Чертов Капот!

— Коломбина!

— Рыжий!

— Общага? — и снова темная бровь дугой, а зубы в оскал.

— Да!

Мне приходится прикусить язык и смотреть в окно всю дорогу, игнорируя выпады конопатого гада, пока он, сидя за рулем чужого авто, умело насвистывает известный всей стране рингтон, раздражая, кажется, своей импровизацией сам воздух. И только когда я вылезаю из задней двери «мерседеса», сбрасываю с плеч пиджак, и, кое-как прикрыв сумочкой вконец расплзшуюся на платье дыру, мчусь к ступеням крыльца, я не сдерживаюсь и матерюсь, услышав вдогонку наглое и самоуверенное:

— В следующий раз, милая, надень чулки! Они меня страшно заводят!

Спотыкаюсь возле разом стихших у подъезда девчонок, задохнувшись от стыда, и, покрываясь пятнами, как жираф, тыча «фак» вслед сорвавшемуся с места автомобилю и скрывшемуся в нем водителю, на выдохе кричу:

— Да п-пошел ты, гоблин! Облезешь!

* * *

— Да, один билет до Роднинска. Спасибо.

Я снова возвращаюсь в город моего детства без предупреждения. Захожу в подъезд, открываю дверь своим ключом и переступаю порог родного дома, вдыхая полной грудью знакомый запах. Прошедшая неделя была одной из самых сложных в моей жизни, я с честью пережила ежедневные встречи в университете с Серебрянским и Сомовой, но извела себя упреками из-за своего необъяснимого поступка на свадьбе подруги, и теперь возвращаюсь домой в надежде хоть немного отдохнуть душой возле отца и забыться за любимым делом.

На часах двенадцать дня, обычно отец до позднего вечера находится в своей мастерской, и пока его нет, я рассчитываю принять душ, закатать рукава и приготовить для нас двоих нормальный ужин. По мере своих сил, конечно, здесь я иллюзий не питаю. Рассчитываю, но ожидаемую тишину квартиры нарушает неожиданное: «Дрррр-дрррр-хэннэннэн! Ррррр!», негромким бухтением доносящееся из родительской спальни.

Странно. Я спускаю с плеча сумку, бросаю у стены и осторожно приближаюсь к приоткрытым дверям, не зная, что и думать.

Мальчишка. Худенький, русоволосый, лет шести-семи. В одних колготках и растянутой футболке, в обнимку с красной пожарной машиной в половину его роста на полу и брошенными у ног фигурками игрушечных монстров. Присел на корточки возле отцовской кровати и отчаянно старается завести мотор пластикового автомобиля силой детского воображения и натужным рыком.

— Внимание! Включить сирену! У-а-у-а-у-а-у! Скорее, все на пожар! Домик монстров горит! Дрррр! Дрррр! Хэннэнэн! Спокойно! Салли, Рэндалф, без паники! Пожарная команда уже едет! Ррррр...

В квартире совершенно точно кроме нас никого нет — слишком тихо вокруг, да и не настолько она большая, чтобы я не смогла заметить чужого присутствия. Я знаю, пугать детей нехорошо, но мое удивление от открывшейся глазам картины настолько велико, что сдержать сорвавшийся с губ вопрос не удастся.

— Эй, пожарник, ты кто? Откуда здесь взялся?

Мальчишка вздрагивает и замирает. Вскочив на ноги, отпускает машину и пятится назад,

прижимаясь спиной к деревянному поручню кровати. Хватает ртом воздух, поднимает голову, глядя на меня во все глаза.

Ясно. Похоже, чужим присутствием он удивлен не меньше моего. Вот так сюрприз!

— Ну, Снусмумрик, чего молчишь? — я переступаю порог, оглядывая комнату. — Не из воздуха же нарисовался?

— Н-нет, — он послушно мотает головой, испуганно моргая. — Я с м-мамой пришел.

— С мамой? Да ну! — упираю руку в бок, озадаченно поднимая бровь. — Как интересно.

М-да. Было-было, но вот детей в нашу квартиру Крюков, в отличие от женщин, еще не тащил. Дожились! Ай да папа!

— Д-да. К дяде Андрею.

Железная логика.

— Это я уже поняла. И кто у нас мама? — готовлюсь слушать. — Только не говори, что не помнишь, как ее зовут! — строго наставляю на мальчишку палец. — Все равно я тебя здесь с твоими монстрами жить не оставлю!

— М-м-мама Эля, — бормочет нежданный гость, а я не сдерживаю эмоций и чертыхаюсь. На последнем усилии про себя, но настроение на моем лице прочесть не трудно и мальчишка заметно огорчается.

— Замечательно! И стоило так громко возмущаться, что для нее «это» слишком. Для меня, может быть, тоже! Ну и где она, твоя мама Эля? Чего сидишь в доме один, как крот?

Мальчишка совершенно по-детски пожимает плечом и вдруг громко шмыгает носом, проводя по дрогнувшим губам кулачком.

Этого еще не хватало!

— Отставить реветь, пехота! Терпеть этого не могу! — хмурю лоб. — Лучше скажи, мама давно ушла?

Ребенок озадачен вопросом не меньше моего и, кое-как справившись со слезами, растерянно утыкается взглядом в пол, видно, так и не найдясь с ответом.

— Ясно, — устало выдыхаю. — Ну, хоть куда ушла, сказала? — спрашиваю осторожнее.

— Д-да, — мальчишка тут же кивает. — К п-папе.

— Чего?! — теперь я так таращу глаза, что пожарник снова готов разреветься. — К какому еще папе? Ты что, Снусмумрик, издеваешься?

— Н-нет, — дергает он головой, неожиданно обхватывая себя за плечи. — К п-папе Грише. Он п-приехал сегодня к нам пьяный и м-мама сказала, что нужно сходить в м-магазин за м-молоком для меня. А потом мы пришли к д-дяде Андрею, и м-мама п-попросила, чтобы я п-посидел тихо, пока она не придет, совсем немножко, потому что д-дядя Андрей не знает, что я тут и м-м-может рассердиться. А м-ма-ашину я нашел п-под кроватью. Я аккуратно с ней игрался, честное слово! Тетя, вы не расскажете дяде Андрею?

Тетя. Убиться веником! И с каких это пор мой отец, Андрей Крюков, покупает чужим детям подарки?

Черт, похоже, и правда, все куда серьезнее с Элечкой на этот раз.

— Так! А ну, одевайся, пожарник, живо! И смотри не реветь мне, а то покусую!

Когда мальчишка выходит вслед за мной в подъезд все в тех же колготках, надев на себя лишь длинную кофту и сандалии, я понимаю, что дело рисуется нешуточное и, кажется, закулисная моль Элечка влипла в неприятности, пока ее новый бойфренд и по совместительству мой отец, ни сном ни духом не тревожен, чинит чужие машины в своей

автомобильной мастерской.

— Адрес свой знаешь? Ну, где живешь?

— Д-да, мама научила, чтобы не п-потерялся, — лепечет мальчишка.

— Говори.

— Са-сазонова тридцать четыре, квартира ше-естнадцать.

Недалеко, от нашего дома третья улица, и я уже тарабаню кулаком в дверь соседней квартиры, усиленно скалясь в глазок.

— Теть Жанн! Да, Таня! Откройте, дело есть! Вот, держите нахлебника, ненадолго, скоро вернусь. А ты смотри мне, чтоб под чужими кроватями не ползал, здесь машин нет! Ну, пока!

Отец Снусмумрика оказывается немолодым, худым и хорошо поддатым мужиком. Он шипит на меня, как гусь, напирает хилой грудью, матеря во всю глотку, не пуская в квартиру, и мне приходится срезать его с пути пятикилограммовой авоськой с картошкой, приваленной к стене коридора. Да еще и закрепить аргумент недовольства отпечатком старого телефонного аппарата, тут же сдернутого с полки, в ухо, чтобы знал, на кого сунуться. Сбросить сверху с вешалки пару курток и хорошенько треснуть по трепыхающемуся пьянчуге кулаком, в ответ на выдернутый из хвоста клочок волос.

Бог тоже не обделил меня глоткой, и, упав на оглушенного мужика сверху, я воплю во все луженое горло, пугая криком соседей, отыскивая глазами рыдающую Элечку.

— Полиция! При исполнении! Сейчас сядешь у меня в тюрьму на пятнадцать суток, урод, если не уберешься! Ты понял?! Вот же алкаш чертов! Прибить мало!

Дед, достаточно крепкий в плечах и руках, приходит мне на помощь и выволакивает все еще матерящегося, но притихшего мужика из квартиры, передавая в руки подоспевшим соседям, щедро отвешивая последнему тычки.

— Гришка! Снова к Эльке пришаландался, чтоб тебя! Не даешь людям жить спокойно, гнида! Мать в гроб загнал, сына заикой сделал, девке жизнь испортил и снова сюда дорогу торишь! Еще раз увижу — посажу! Клянусь! Ты меня знаешь!..

Элечка сидит на стуле в крохотной кухне и ревет, растирая ладонью и без того заплывший глаз. На полу осколки посуды, штора повисла на сдернутом карнизе... Увидев меня, замершую в дверях, она поднимает опухшее лицо и туже запахивает на груди разорванную блузку.

— Что с Павлушей? — тонко всхлипывает, вздрагивая в плечах.

— У соседки. Тебе не стоило оставлять ребенка одного в чужой квартире.

— Да, — кивает она, соглашаясь. — Не стоило. Но у меня в городе никого нет, а я не могу допустить, чтобы он был рядом, когда... Павлик достаточно насмотрелся на отца маленьким.

— Я поняла. Откуда у тебя ключи?

— Я иногда готовлю для Андрея. Он... помогает нам деньгами, вот я и благодарю его, как умею. Я не хотела, чтобы твой отец узнал эту сторону моей жизни. Мы не живем с мужем пять лет, а он все никак не хочет оставить нас с сыном в покое. Ты ведь не расскажешь отцу?

— Он купил твоему сыну подарок.

— Кто, Андрей?

— Да.

— Я не знала.

— Я тоже. Сюрприз, можно сказать.

— И что... — пальцы Элочки мнут светлую ткань блузки. — Как ты ко всему этому относишься? Осуждаешь?

В квартире тихо, соседей не слышно, и я поворачиваюсь к дверям, чтобы уйти.

— Какая разница. Одевайся, тебе надо к сыну. Я подожду внизу и заодно позвоню папе. Пусть Крюков тоже подключается.

— Тань! — Элечка останавливает меня в прихожей, вскочив со стула и поймав за локоть.

— Что?

— Приведи Павлушу. Очень тебя прошу! Я такая к Андрею не пойду.

Я знаю, что получится жестко, что, возможно, этой бледной женщине — избитой и сникшей, сейчас нужны слова утешения, но вместо них, чувствуя злость на ее нерешительность, помня наспех одетого Снусмумрика и движение детских плеч, в ответ на вопрос, как давно он остался один, говорю, перешагивая порог:

— Раньше надо было думать. Пойдешь, как миленькая! Любви захотела, все серьезно, теперь оба жуйте ложками. Вместе расхлебывать будете.

* * *

— Ты смотри! Етить твоё коромысло! Никак сама Закорючка к нам в гости пожаловала! Давно тебя не было, девочка. А папки-то твоего нет. Минут двадцать, как все дела на меня бросил и уехал. Только и сказал: лабай железо один, Егорыч, а я красиво домой. Дочь, мол, приехала, звонила, к обеду звала. А ты вот она, красавица, здесь нарисовалась. Что стряслось-то у вас?

Я захожу в широкое, кирпичное помещение частного автосервиса под названием «Шестая миля» и останавливаюсь возле главного механика отцовского гаража. Обняв за шею, прикладываюсь губами к испачканной мазутом щеке.

— Да ты с ума сошла, Танюха! — довольно кряхтит Егорыч, неохотно отстраняясь. Отирает о штанины рабочего комбинезона крупные мозолистые ладони, выставляя их вперед. — Я ж грязный, как черт! Иди вон лучше Мишку моего приласкай. Нечего меня, старика, волновать. Ишь ты, придумала!

Он улыбается, и я с готовностью отражаю его улыбку, наконец-то, счастливо расправляя плечи. Вместе со смехом отпуская из груди навалившуюся в последние дни тяжесть. Под добрым карим взглядом сбрасывая с себя ее остатки, словно сухую перепревшую шелуху.

— Что, девонька, по железкам соскучилась? — понимающе подмигивает мужчина. — Говорил я Андрею: не порть ребенка, отдай мне, а он — экономический, экономический... Тьху! Что толку для такой смышленной девки, как ты, за три копейки в офисе задницей вертеть? Другое дело — механика!

— Есть немного, соскучилась, — соглашаюсь я, пропуская мимо ушей слышанное десятки раз. — Потому и пришла. Привет, дядь Сень! А Мишку приласкаю, что мне, жалко, что ли? Только насчет старика, это вы Анне Петровне расскажите, она вас быстро в нужную форму приведет, а мне не надо, я своим глазам больше вашего доверяю.

— Ну-тк, Анютка у меня бодрячок! — ухмыляется Егорыч. — Всем молодым жару задаст! Только ты же знаешь: мы с сыном ее индусскую стряпню в гробу видали, будь она трижды заслуженный йог. Нам щи с мясом подавай, да борщ с салом, а голую капусту

пусть кроли жрут. Что я, дефективный какой?... — смешно вздергивает густые брови. — Вот дожидаться не могу, когда тебя уже за Мишку просватаю, будешь нам котлеты рубить. Будешь, Танюха?

Я приставляю ко рту два пальца, демонстрируя мужчине рвотный рефлекс.

— Ага, только мел возьму и линию старта нарисую. Не дождетесь, Арсений Егорыч! Рубите сами!

Мы вместе смеемся, и я спрашиваю, указывая подбородком на новенькие трансмиссионные стойки, появившиеся в главном гаражном боксе, и мобильный передвижной кран. Все куда больше и мощнее имеющихся.

— Ого! Новые? Мы что, расширяемся?

— Есть такое. Как тебе? — сбивает кепку на макушку мужчина. — Полуторатонники!

— Солидно!

— Вот и я Андрею говорю, что солидно против того, с чего пятнадцать лет назад начинали. Ну так, заслужено же!

— Это точно, дядь Сень, — с готовность признаю. — Вы молодцы!

— А то! — важничает главный механик. — Вон, во втором боксе, гляди, под какого красавца мой Мишка залез, — тачка самого мэра! Плановый осмотр, мужик к нам прикатил, а мог бы и на фирменное СТО. Доверяют люди, что сказать, приятно. Ну да ладно, осматривайся тут, Тань, не буду мешать, — спохватывается, хлопая себя по карманам. — Где же накладная на детали? Только что была. Васёк! — кричит у меня над ухом, обходя с боку. — Ты инжектор с «Рено» снял? Следи, чтобы все аккуратно у меня!

Егорыч уходит, а я направляюсь в сторону второго бокса.

— Сан Саныч, привет! — машу рукой маляру в респираторе, проходя мимо покрасочной камеры, — работает компрессор, краска плавно ложится на грунтованный серый металл черным глянцем, и мужчине вряд ли до меня, — но он неожиданно коротко дергает в приветствии из-за дверного стекла подбородком, поднимая вверх большой палец.

Вот и хорошо!

Во втором боксе над смотровой ямой стоит белый «Лексус», на добрых двести пятьдесят лошадиных сил — большой, хромированный, глазастый. Я подхожу ближе, обхожу красавца по кругу и, не сдержавшись, присвистываю:

— Вот это монстр, я понимаю! Не то, что пожарная машина Снусмумрика.

Под машиной, в смотровой яме слышится движение и металлический скрежет, я присаживаюсь на корточки и окликаю своего старинного друга, которого не видела больше двух лет.

— Привет, Медвед! Как жизнь молодая? Слыхала, ты вернулся из Праги. Надеюсь, с красным дипломом? Чаяния родительские оправдал?

На мне ветровка, джинсы и кроссовки, и когда темная голова выныривает позади «Лексуса» у самых моих колен, я больше не смущаюсь, как случалось когда-то. Продолжаю широко улыбаться, разглядывая загорелое, чумазое лицо, короткий ежик волос, крепкие плечи... Карие глаза и золотую серьгу в правой брови.

Позер. Пробил-таки. А помнится, мечтал о пирсинге в другом месте.

Черт! О чем я думаю!

Мишка Медведев. Моя детская привязанность, мой самый лучший друг, мой боевой товарищ и... мой первый мужчина.

— Обижаешь, Закорючка. Все чин-чином, и я теперь инженер-механик европейского

образца. Правда, вот с красным дипломом не срослось. Но только потому, что мне вечно мешало чье-то теплое тело. Или мечты о нем. Сама понимаешь, как одиноко Медведю было одному в холодной Праге. Приходилось выкручиваться.

— Бедный, бедный Медвед, — я почти проникаюсь сочувствием. Почти. — Уверена, ты выдержал испытание холодом с честью.

— А то! Тань, — мгновение и указательный палец чертит круги на моем колене, а карие глаза куда ближе всматриваются в меня. — Ты почему в сетях не отвечала? Я скучал.

Я жду. Вот сейчас должно случиться. Дрожь по коже или что-то очень похожее. Особенное. Мы были вместе, он уже познал меня, я должна что-нибудь почувствовать. Хотя что-нибудь...

Ничего.

— Ну, почему же. Отвечала.

Он фыркает и отстраняется, снова смотрит весело снизу вверх.

— Это не то. Видел я тебя на фото с твоим приглашенным женишком. Что, и правда, любишь?.. Он же скучный, как вобла, Крюкова!

Я пожимаю плечом, вместо слов отвечая Мишке улыбкой. Я действительно рада его видеть.

— Ну и черт с тобой! Буду на днях с друзьями в городе, рядом с твоим универом — загляну, познакомишь. Глядишь, от ревности морду этому Серебрякову набью, для разнообразия.

— Серебрянскому. Загляни. Будет даже интересно.

— Встань, Тань, — неожиданно просит друг, и я подчиняюсь. Встаю, клоню голову к плечу, упирая руки в бока.

— Что, хочешь убедиться, что твою подругу не подменили собой мерзкие зеленые человечки, пока ты грелся в Праге?.. Не подменили, Медведев, не надейся. Я по-прежнему хозяйка своему телу.

Мишка внимательно смотрит на меня, затем одним ловким движением подтягивается на руках и выпрыгивает из ямы, вытягиваясь рядом со мной во весь рост. Без смущения поднимает руки и разводит полы ветровки в стороны, упирая удивленный взгляд в грудь, обтянутую тонкой футболкой.

— Хочу убедиться, что мне не показалось, и тощая Закорючка подросла во всех значимых местах.

Вот теперь я злюсь, как бывало в наших отношениях не раз.

— Тебе не показалось, Медвед. Да, теперь даже у Таньки Крюковой имеется грудь. Так что убери руки, если не хочешь, чтобы я запечатлела ее снимок кровоподтеком на твоей удивленной физиономии.

Парень отступает, впрочем, не очень-то испугавшись, да я на то и не рассчитываю. Просто вспоминаю его руки на себе — несмелые, неуверенные от того, что это я и что пришла сама — и не помню. Все случилось слишком быстро однажды зимним вечером, на следующий день после вечеринки на даче Алины Чернявой, и так же быстро забылось.

Почти, как с Рыжим?

Нет, не так, как с Рыжим.

Ну, почему, почему я все время о нем вспоминаю? Да кто он вообще такой?! Пустое место! Наглый, самоуверенный, циничный тип! Да это вообще из-за него я тогда...

Господи, сколько еще в моей жизни будет вот таких вот безрассудных моментов, когда

мысли после? Когда стыд накрывает так, что больно дышать, а изменить ничего нельзя? Когда совершенного не воротишь, а так хочется. Так хочется! Так же сильно, как хотелось верить в то, что с Вовкой что-то получится. Что-то настоящее. Искреннее. Надежное. Чтобы вместе и в унисон. Не вышло.

— Что, совсем не соскучилась по мне, Тань? — растерянно спрашивает Мишка, и я притягиваю его к себе, встаю на носочки и целую в такую же чумазую, как у его отца, щеку.

— Дурачок! Конечно, соскучилась, — признаюсь честно. — Скажешь тоже!

Мишка оттаивает и тоже обнимает меня — крепко, так, что перехватывает дух. Разворачивает от себя за плечи и, смеясь, подталкивает к дальней стене бокса, где под серым чехлом стоит низкий автомобиль. Мой автомобиль. Моя девочка — небольшая спортивная «Хонда». Года четыре назад купленная отцом за бесценок у одного моряка. Когда-то разбитая на наших дорогах до состояния металлолома, а сегодня почти восстановленная — отцом, Егорычем, Сан Санычем, мною. Почти.

Как много этих «почти».

— Ну, давай, Закорючка! Покажи, что ты сделала с Глашей за два года. Я едва сдержался, чтобы не посмотреть.

* * *

— Чарлик, вернись, я кому сказала! Чарлик! Ах ты ж, негодник такой! Куда грязными лапами побежал?!.. Максим! Ты почему собаку спустил с поводка?! Что, сложно было сначала в ванную зайти, привести пса в порядок? Он же теперь квартиру затопчет и студию, а у меня работа! Посмотри, какая грязь после дождя!.. Чарлик! Да что же это такое! Нельзя в спальню, слышишь! Нельзя...

Поздно. Дверь открывается, и я слышу, как паркет прогибается и скрипит под весом домашнего любимца, таранящего утреннюю тишину со скоростью упитанного урагана. Трехлетний английский бульдог в двадцать пять килограмм весом, громко сопя, запрыгивает ко мне на кровать и, пока я выплываю из сна, соображая, что к чему, успевает пройтись шершавым языком по щеке и глазу. Широко зевнув, с довольным хрюком увалиться сверху на грудь, выбив из легких воздух.

Твою мать...

— Все, Шрэк! — я с трудом освобождаю из-под одеяла руку и впираюсь пальцами в толстый загривок. Оторвав голову от подушки, шиплю в наглую морду. — Ты покойник! Убью! — И тут же получаю мокрым языком по губам.

Тьфу! Чтоб тебя самого по утрам целовали любители лизать собачьи яйца!

— Ма-ать! Забери от меня свое чудовище, не то я за его жизнь не отвечаю! Еще раз, Шрэк, так сделаешь, — сажусь в кровати, поднимая пса перед собой под толстые лапы, — и я тебя кастрирую, клянусь! И не улыбайся мне, я зол!

Раздается стук каблуков, недовольное покашливание, и сама Людмила Карловна Артемьева, собственной родительской персоной, как всегда стройна и безупречна, даже в субботнюю рань с макияжем и прической, появляется на пороге моей комнаты, картинно упирая кулак в бок.

— Свое чудовище? — удивленно вскидывает тонкие брови. — Сынок, дорогой, а не ты ли три года назад принес это чудовище в наш дом, представив всем как нового принца

Чарльза? Или я запамятовала?

Мне лень вставать, я вернулся из клуба в четыре утра, бульдог сам не уйдет, и я смотрю на мать с мольбой.

— Какая разница, Ма? Ты же его кормишь, значит, он твой! И потом, кто знал, что маленькая симпатичная зверюга превратится в такого людоеда? Ну, ма-ам, заberi! Спать же не даст! Что, тебе совсем не жалко единственного и любимого сына? А как же чуткое материнское сердце?

Я стараюсь быть убедительно-несчастливым, и мать сдается. Проходит в комнату и ловит пса за ошейник.

— Ну, знаешь ли, — ворчит, пытаюсь вывести упирающегося Чарли за собой вон. — Я вот, может, тоже не знала, что ты из симпатичного рыжего карапуза превратишься в детину выше меня ростом и аппетитом сравнимым с крокодилом, но от тебя же не отказываюсь. Чарлик! Тыфу на тебя! — фыркает в сердцах, когда бульдог, ловко вывернувшись из некрепкого захвата, с радостным пыхтением возвращается ко мне, вновь запрыгнув на постель и облизав лицо.

— Мам, тебе стоит плотнее завтракать. Совсем нет силы в руках.

— А тебе, Виктор, стоит чаще бывать дома. Неудивительно, что за два дня твоего отсутствия пес так по тебе соскучился. Я вот тоже соскучилась...

— Только не надо меня лизать в нос, мам!

— И не подумаю! Захочешь спать — приведешь Чарли на кухню, там я с ним справлюсь. А постель будешь стирать сам!

— Договорились, — вздыхаю я в закрывшуюся дверь и притягиваю бульдога к себе. — Все, Шрэк, ты напросился! Держись! — обещаю в оскаленную морду, и начинаю бороться со зверем, посмевающим меня разбудить, дергая его за холку, уши и пузо. Бороться, пока вновь не засыпаю, обняв пса за шею и наплевав на сопящее в ухо соседство.

Ни черта себе! На часах почти три часа дня, бульдога рядом нет, я встаю и топаю босиком на кухню, пытаюсь окончательно стряхнуть сон, чувствуя в желудке адский голод, а в голове тупую боль — отголосок вчерашней вечеринки. Добравшись до вожаемой кухни, открываю дверцу холодильника, отпиваю из начатого пакета молоко и откусываю от батона ветчины большой и вкусный кусок...

Умм...

— Виктор? Кхм! Сын, я рада, что ты, наконец, проснулся, но вообще-то для начала не мешало поздороваться с девочками, ты тут не один.

Мать. На невысоком подиуме широкой кухни, за большим столом со своими моделями. Пьет чай и смотрит на меня. Точнее, смотрят на меня. Все шестеро пар глаз.

— Э-э, привет, мам. Привет, девочки, — я поворачиваюсь к гостям и послушно скалюсь, салютуя компании пакетом с молоком, стараясь не подавиться. — Как оно ничего? Сейчас, еще раз откушу, — показываю взглядом на ветчину в своих руках, — и уберусь. Надеюсь, никто не против? Очень уж есть хочется.

На мне фирменные боксеры от «Кельвина Кляйна», я пять лет не вылезаю из спортзала, выматывая себя тренировками, если кому-то охота поглазеть на меня, что ж, я не против. Вот и сейчас, видя смущенную улыбку на губах матери, понимаю, что даже в таком виде, не подвел ее.

— Вить, подожди! — окликает меня Оля, когда я покидаю кухню, направляясь к себе, и добавляет: — Можно тебя на два слова?

— Привет, — я останавливаюсь и улыбаюсь девушке, нагнавшей меня у дверей спальни. — Как дела?

Дежурный вопрос, но о чем еще спросить девчонку, с которой пару раз отлично переспал, а потом бросил на свадьбе друга, просто забыв о ней — не знаю. Разве что напомнить, что все между нами было без обязательств. И признаться, наконец, себе, что Коломбина начисто снесла мне крышу.

Оля хороша, как никогда, — мать привлекает к показам лучших. Она подходит и обнимает меня, прижавшись к груди, целует в щеку. Ждет продолжения и отклика, а я просто стою, раздумывая с чего начать разговор и как закончить так, чтобы ее не обидеть, когда она понимает сама.

— Все закончилось, да?

— Извини.

— Да я без претензий. Просто легко было с тобой. Ни с кем так не было. И хорошо.

— Спасибо, малыш.

— Если что, я для тебя свободна.

— Окей, я запомню.

Вот и все, и я снова могу захлопнуть дверь спальни, и развалиться на кровати, вычеркнув девчонку их головы. Высокую светловолосую девчонку, одну из многих, а не ту, другую. С жадными руками, темными глазами и потрясающими губами, вкус которых невозможно забыть.

Чертову ненасытную Коломбину.

* * *

«... Согласно классической экономической теории, основным фактором, определяющим динамику сбережений и инвестиций, является ставка процента. Согласно же кейнсианской экономической теории основным фактором, определяющим динамику потребления и сбережения, является не ставка процента, а величина располагаемого дохода домашних хозяйств...»

— Та-ань! Ну, Тань, открой, это Лиля! Крюкова, ты уснула там, что ли? Эй!

Я снимаю с головы наушники плеера, откладывая в сторону учебник по макроэкономике и встаю с койки. От души потянувшись, топаю к дверям.

— Еременко, если бы ты знала, как ты мне дорога. Особенно в десять вечера! Ты время видела? — зевнув, встречаю взглядом выглянувшую из-за двери соседку по общежитию. — Чего тарабанишь? — ворчу, приваливаясь плечом к дверному косяку. — Нас что, снова японцы с верхнего топят? Чем обязана?

Но соседке на мой недовольный тон плевать.

— Танька, ты почему телефон отключила? — возмущается Лилька, странно пританцовывая на месте.

— А что? — удивляюсь я внезапному интересу согруппницы к такой ма-аленькой детали, как моя личная жизнь. — Надоел, имею право. И потом, звонят тут всякие без надобности, а у нас модуль на носу и сессия. Случилось что?

Лилька округляет глаза и тычет пальцем куда-то вниз.

— Случилось! Крюкова, там тебя такие парни спрашивают — зашибись! А ты тут

спишь! И это в субботу вечером!

— Где? Какие еще парни? — не понимаю я.

— Внизу! На вахте! Их тетя Маня не пускает, охраной грозит, а они напирают. А к тебе не дозвониться! Хорошо, что мы с Настей из кино возвращались, как раз картину маслом и застали!

— Да кто напирает-то, Лиль? — факт, но «толстые» намеки соседки бьют мимо цели. — Серебрянский, что ли? Так я его еще два часа назад по телефону отшила. Не знаю, зачем пришел.

— Да какой Серебрянский! — возмущенно отмахивается девушка. — Тоже мне, нашла героя! Ему только Сомову бледным фэйсом и оттенять! Этот куда посимпатичнее будет, — кивает убежденно. — Точнее, эти!.. Ой, слушай, познакомь, а? Ну, Та-ань! Их трое, тебе же не жалко, нет?

— Посмотрим. — Я выпихиваю Лильку в коридор и захлопываю дверь. Включаю телефон, с удивлением обнаружив в уведомлениях десять пропущенных звонков от неизвестного абонента.

— Алло...

— Танюха? Закорючка, ну ты даешь! — Мишка Медведев! Возмущенный, но веселый. — Я тебе уже с час в рельсу наярываю и все без толку! Едва не рычу от злости! Почему не отвечала? Я же обещал, что приеду! Что навещу!

— Вообще-то предмет учила к модульной. А ты откуда узнал мой номер? — понимаю, глупый вопрос, но это последнее, о чем я думаю. Просто заполняю паузу, стараясь сообразить, как быть и вспомнить, что мне там Мишка рассказывал по-поводу своих намерений и скорого дружеского визита.

— От верблюда! И где твой привет, спрашивается? Тань, ты что, мне не рада? Я соскучился.

— Глупости! Рада, конечно, — не лукавлю я. — Превед-Медвед!

И слышу радостное в ответ:

— Привет, Закорючка! Давай, одевайся и дуй вниз! Мы тебя ждем!

— Как дуй? Подожди, Миш, я не могу «дуть», — с сомнением оглядываюсь на темное окно, за которым вечер плавно перетекает в ночь. — Поздно уже и, вообще, мне учить много. У меня контрольные на повестке дня!

— Не нуди, Тань! Ну что ты со мной, как с чужим, а? Говорю же, соскучился! Покатаемся чуток по городу с друзьями, и доставлю тебя назад к твоим учебникам в целости и сохранности, не бойся.

— Я не боюсь, Медвед. Просто не могу вот так запросто...

— Ерунда! Очень даже можешь! Молодость скоротечна, Крюкова, наслаждайся пока можется!

— Но я...

— Свободна и не занята, как ветер! Мне подруги твои уже обо всем доложили! Поздравляю и одобряю! К черту жениха! Ну, давай, детка, жду! Обкатаем мои новые колеса!

Отбой. И острый нос Лильки Еременко в тонкой дверной щели.

— Ну что там, Тань? Берешь нас с Настей? Ну, пожалуйста! Классные же парни, а ты одна!

Я медленно выдыхаю, бросая телефон на койку. Оглядываюсь в сторону одежного шкафа, сбрасывая с себя пижамный халат. На счастье я успела принять душ, приготовившись

учить курс макроэкономики до утра, воспользовавшись тем, что половина общаги разъехалась на выходные по домам и душевая в субботний вечер свободна, поэтому могу рассчитывать на внешний вид по собственной шкале приличий, как «удовлетворительный». И теперь стягиваю непослушную копну волос, еще чуть влажную на затылке, в высокий хвост и прохожусь тушью вдоль ресниц, считая нужным расставить «незначительные» акценты, раз уж я свободна, а внизу меня ожидает трое симпатичных парней.

— Тань, ты обиделась, да? — все еще канючит Лилька. — Так мы с Настей из лучших побуждений рассказали! Ты же нам не чужая, да и не пара тебе Вовка. А твой знакомый заладил: скажи да скажи ему, одна ты тут или с воблистым женихом трешься. Ой, не надо тигровый балахон, лучше надень желтый топ, ага, вот этот! У тебя руки красивые и кожа... Эх, мне бы такую! А может, джинсы?.. Нет, ну, можно и юбку, конечно, тебе виднее. Просто фиолетовые лосины, я подумала не очень...

— Еременко, заткнись! — я надеваю короткую узкую черную юбку с разрезом на бедре, поворачиваюсь к соседке и выпроваживаю ее, просочившуюся в комнату, за дверь. Коротко здороваюсь с притихшей у стены Настей. Отмахиваюсь рукой в сторону лестничного пролета, скрытого в конце коридора, где-то за спинами подруг. — Девчонки, спускайтесь вниз, через пару минут буду. И давай уже, Лиль, без битья покаянных голов. Надоело.

Девчонки уходят, а я замираю над полкой с обувью, раздумывая какой паре отдать предпочтение — выходным туфлям на каблуке или же высоким черным ботинкам на шнуровке. А на самом деле просто растерявшись от неясного чувства томления, а то ли беспокойства, проснувшегося в груди. Еще минуту назад мирно спавшего в глубинах души, а сейчас встрепенувшегося и поднявшего голову. Заставившего сердце забиться чаще.

Как глупо! И совершенно не ясно, что со мной!

Я поднимаю голову, встречая свое отражение в зеркале неуверенной усмешкой: Мишка, просто Мишка, старый проверенный друг. Так неужели дело в тебе?..

Я отворачиваюсь и надеваю обычные лодочки на низком ходу — простые и удобные. Поверх топа — короткую ультрамариновую куртку. Хотел покататься? Что же, покатаемся. Хорошую компанию несмолкающих трещоток я парням организовала, а собственное настроение спрячем подальше.

Это мотоцикл! Точнее, три спортивных байка-японца с агрессивно поднятым задом и яркими обтекателями по бокам. Приткнувшиеся нос к носу и привлекшие к себе внимание едва ли не всех прохожих и редких студентов во дворе. Я смотрю на них и не могу отвести глаз. Не могу поверить в то, что вижу.

— Медведев, ты рехнулся? Спортбайк?!

Мишка радостно улыбается и загребает меня в дружеские объятия.

— Привет, Танюха! Не скучно выглядишь, детка! — продолжает с удовольствием тискать бока, и мне приходится вернуть его к жизни невежливым тычком в грудь. — А что не так? — пожимает плечом. — Батя деньжат подкинул, вот и взял — давно мечтал. Кстати, знакомься, Закорючка, — указывает шлемом в сторону друзей, мирно болтающих с девчонками. — Это Ромыч, наш с тобой земляк. А это — Саня Лом. Мой кореш по универу и знаменитая личность, чтоб ты знала. Сейчас здесь обитает. Мы с Ромычем, по правде говоря, к нему и приехали. Хотим местные трассы обкатать, ну и вопросы кое-какие обмозговать по общей теме в одном клубе.

— Обкатать, значит? — я все еще нахожусь под впечатлением, а потому довольно грубо снимаю с себя руки забывшегося Медведа, не совсем по-дружески разгулявшиеся на

тали. — Привет! — киваю, заставив себя улыбнуться парням, отсалютовавшим мне шлемами. Действительно, на радость девчонкам, оказавшимся довольно симпатичными.

— Да что не так-то, Тань? — наконец-то обращает внимание Мишка на мое настроение. — Ты чего сегодня колючая такая? Давай садись, погоняем! Смотри, твои подружки куда смелее тебя! — улыбается Лильке, взлетевшей птицей в седло синей «Ямахи» позади мотоциклиста, как только парень по имени Ромыч снимает спортбайк с тормоза, надевает шлем и дает добро едва ли не вопящей от восторга девушке вцепиться руками в его грудь.

— Медведев, я что, похожа на дуру? — я возвращаю друга в реальность, и плевать на его планы. — Ты всерьез приехал и час морочил всем голову, чтобы в итоге меня убить?.. Мои пятнадцать давно позади, и я не забыла, чем для нас с тобой закончилась поездка на речной карьер.

— То был старый дедов «Восход»», лопнувший тормозной трос, и я был до черта самонадеян.

— Там была Ритка Копичева в отпадном купальнике, и ты совсем не слышал моих просьб остановиться.

— Ты круче Ритки, детка. Во всем. Даже со шрамом на ягодице.

— Лесть от друга — хуже кулака в глаз.

— Я спал с ней. Ничего особенного, поверь Медведеву.

Это так и вертится между нами, и я не выдерживаю.

— Со мной ты тоже спал. Ну, давай уже, Медведев, произнесем это вслух и забудем, наконец!

Сама не знаю, почему я сержусь, зачем ворошу прошлое, но взгляд парня становится жестче. В последнюю нашу встречу я так и не дала ему возможности поверить, что ни о чем не жалею.

— Не я это сказал, Тань.

— Черт, не ты, — сдаюсь я. — И даже инициатором был не ты, я помню. Ладно, Мишка, — вскинув руку, отступаю, оглядываясь на родную общагу. — Хорошо вам провести время, а я домой. Рада была тебя увидеть. Правда, рада, но для меня это слишком.

Я порываюсь уйти, однако крепкая рука ловит меня за локоть и возвращает на место.

— Стой! — На скулах Медведева обозначаются желваки, и он решительно преступает мне путь. — Что было, то было. Я не настаиваю, ты знаешь, о чем я, так какого лешего злишься?.. Это все еще мы с тобой, и просто прогулка двух старых друзей. Ну, давай, Закорючка, ты же любишь скорость, как никто! Какие-то плевые двести пятьдесят кубиков в двигателе под нами, и ветер на плечах. Ты останешься цела, я клянусь!

Я вижу, как для Мишки важно мое согласие — друзья ли тому виной, или любопытные взгляды девчонок, не знаю, — но смотреть в темные глаза почему-то трудно.

— Люблю. Когда чувствую под собой четыре колеса и ремень безопасности. Ладно, Медвед, поехали, уговорил, — уступаю этому взгляду. — Обкатаем твой чертов спортбайк! Иначе ведь не отвяжешься?

— Не-а! — тянет довольный Мишка и тут же громко присвистывает со значением, когда я остаюсь в одном топе, сняв с себя куртку и повязывая ее низко на бедрах. Светить на «Kawasaki» задранным задом в мини мне вовсе не улыбается.

Мишка шумно набирает в легкие воздух, собираясь что-то сказать, но я решительно обрываю его, честно предупреждая:

— Еще одно замечание про грудь я от тебя не протерплю, Медведев, так и знай! И вообще, мог бы сказать, что на мотоцикле. Я бы надела джинсы, как все нормальные люди, а теперь вот мерзни с тобой...

— Ну да, рассказывай, Крюкова! — ничуть не совестится друг, усаживаясь в седло спортбайка. — Хрен бы ты тогда ко мне вышла! Не бойся, со мной не замерзнешь, — смеется, сбрасывая с плеч короткую кожаную куртку, и вслед за ней вкладывает мне в руки свой шлем, а я и не думаю отказываться. В конце концов, это не мой пробег-парад. — Я парень горячий!

Горячий, кто спорит. Я чувствую это тепло даже сквозь грубую кожу, приваливаясь к мужской спине, только вот не волнует оно меня, и понимание данного факта скорее огорчает, чем радует. Так же, как собственное равнодушие к судьбе вчерашней симпатии — Вовке.

Господи, до чего же я черствая! Прав был Серебрянский: и совсем не умею любить.

* * *

— Кто это? — я затягиваюсь сигаретой, медленно опуская зажигалку в карман куртки. Этим вечером у входа в клуб слишкомлюдно, и все же я сразу замечаю их.

— Где, Витек? — Стас оглядывается, снимая руку с крыши моего автомобиля, и я нехотя киваю ему на подъехавшую к клубу компанию молодых людей. Стараясь за показным равнодушием не выдать своего удивления и внезапно проснувшегося интереса.

— Парни на спортбайках. Знаешь их?

С парнями девчонки. Три. Но мне по большому счету на них плевать. На всех, кроме одной. Стянувшей с головы стальной шлем, под стать спортбайку, в куртке с мужского плеча, странно одетую во что-то болтающееся на бедрах. На длинную минуту зависшую в объятиях высокого темноволосого незнакомца.

— А как же, знаю, — усмехается Стас. — Это Саня Ломакин с друзьями. Я тебе, Витек, о нем пять минут назад говорил. Кстати, под ним тот самый спортбайк, на котором он в прошлые выходные сорвал бабки на чужой трассе. Он как раз с тобой дело о ставках приехал перетереть, и крыше. Если договоритесь, неплохо напару заработать можно. Я парню намекнул, что ты гибкий. Куда легче гнешься, чем Вардан. А с Люком ты сам поговоришь.

— Даже так? — вновь затягиваюсь, чтобы уже через секунду выпустить дым сквозь сжавшиеся зубы. Она. Коломбина. В моем клубе и не одна. Почему-то принятие этого, не касающегося меня никаким боком факта, неожиданно перехватывает горло. Сжимает кадык вместе с рукой парня, внезапно скользнувшей под наброшенную на плечи девчонки куртку. — Смотря в каких местах гнусь, Стас. Не везде и не всегда, ты меня знаешь.

— А то, Витек! — соглашается друг, не представляя на ком сосредоточенно мое внимание. — Конечно, знаю, — уверенно отвечает, — потому и взялся парней с тобой свести. За свой интерес ты шкуру спустишь, не спорю, ну так по справедливости же! У Сани после победы были проблемы с полицией. Два дня в кутузке просидел, и никто ничего не затер. Вардан бабки срубил и ушел в сторону. Лом сам права и байк возвращал, а договор, меж тем, был другой и куда серьезнее. Да и трасса за вами с Люком в раскладе Черехинская, новая, а это совсем другое бабло и другой уровень, ребята понимают... Опять же, менты у Большого Босса сам знаешь в каком кулаке сидят.

— Интересно...

— Ну, так что, Витек, — обращается ко мне Стас, а я наблюдаю, как Коломбина, прильнув к груди высокого темноволосого парня, что-то шепчет ему в лицо, подняв голову. — Общаемся по делу или как? Может, хочешь после поговорить? Смотри, каких девчонок парни с собой привезли. Дадим им прежде, как следует оттянуться?

— Успеется, — отвечаю и вижу, как бровь Стаса напряженно ползет вверх от грубой хрипоты, непривычно проступившей в моем голосе. — Позже о деле, а вот познакомиться можно и сейчас. Давай, Фролов, сюда своего Лома! Посмотрим, что за человек. Может быть, и состыкуемся в вопросе... Эй, малыш! — оглядываюсь в сторону знакомых девчонок, остановившихся у стены клуба всего в нескольких шагах, с интересом поглядывающих в нашу сторону, и, заставив себя улыбнуться, подзываю на выбор любую. — Не согреешь теплом одинокого и свободного?

* * *

— Приехали, Закорючка! Ты там жива?

Я размыкаю пальцы, сомкнувшиеся под грудью Мишки, отрываю голову в шлеме от твердой спины и наконец полной грудью набираю в легкие воздух.

— Чертов Медвед! Ты меня обманул! — не сдерживаю обиды, как только парень останавливает мотоцикл, глушит мотор и невежливо толкает меня, впившуюся в него пиявкой, локтем под бок. — Чтобы я еще когда-нибудь в своей жизни сошла с ума и повелась на твои уговоры обкатать колеса... Да никогда, Медведев, не бывает этому! Ветер на плечах, говоришь? — возмущенно цежу сквозь зубы, хлопая друга от злости ладонью по плечу, сползая каракатицей с задранного седла. — Да ты сначала в поворот входить научись, мазила! Чуть не сбросил нас к лешим в кювет! Лиль, ну ты хоть не молчи! — оглядываюсь на присмирившую подругу, в свою очередь молча сползающую с синей «Ямахи». — Гонки они устроили на оживленной трассе! А на пассажиров плевать?

Еременко молчит, видимо, переживая первые в жизни эмоции от езды на гоночном мотоцикле, приглаживает ладонью торчащие дыбом волосы, зато довольный собой Ромыч усмехается за двоих:

— Это спортбайк, подруга! Он предполагает скорость. Боишься скорости — сиди дома, пеки пироги. Не все девчонки такие трусихи, как ты!

Меня так и подмывает встряхнуть умника, что вслед за Ломом задавал скорость проезда, за грудки и напомнить, кто был на его мотоцикле в шлеме, а кто без.

— Давай пересядем на четыре колеса и посмотрим, умник, кто из нас двоих «трусиха». Я не боюсь скорости. Я не понимаю глупой балансировки на грани, тем более с незащищенным пассажиром за спиной.

Я жду ответа, но за Ромыча отзывается Саня Лом. Единственный из всей тройки мотоциклистов уверенно державшийся на дороге, и вслед за другом оглядывается на меня с усмешкой.

— Балансировка на грани — наше все в этой жизни, детка. Не трудно было и догадаться, при взгляде на нас. Жаль, что ты не поняла этого раньше. С виду ты кажешься куда сообразительнее, чем есть на самом деле. — Он поднимает бровь и пожимает плечами, оставляя слова застыть обвинением в воздухе, но верный Мишка тут же вступает за меня.

— Осторожно, Саня! Не буди в моей подруге зверя. Поверь бывалому другу, она

сообразительнее, чем ты можешь себе даже представить, и куда сильнее, чем кажется. Если хочешь уехать отсюда невредимым, лучше не зли эту девчонку. Ее разворотом плеч не впечатлить.

«Это точно!» — хочется сказать мне, я привыкла отвечать за себя сама, и уже цежу сквозь зубы, не проникнувшись смазливой физиономией парня и недоверчивым прищуром глаз.

— Понты — вот ваше все в этой жизни, и пиковый кураж! Ты когда выжимал сто сорок, смекалистый, вспомнил о том, что она без защиты? — киваю на Настю, вперившую в парня влюбленный взгляд. — Когда лихо лавировал между машинами, вспомнил? Нужен драйв — вперед, лихач себе на здоровье, но один. Незачем однажды оказаться тем самым придурком, кто лишит ее жизни.

— Ого! — присвистывает Лом, отпуская растерянный смешок, виновато оглядываясь на девушку у своего плеча. — Медведь, кажется, ты был прав.

— А мне понравилось, — тянет тихоня Настя. — Здорово было, правда, Лиль? — смотрит с надеждой на подругу, а я лишь отмахиваюсь от них, безнадежных, и отворачиваюсь к Мишке. Задираю голову, чтобы послать его с друзьями к чертям собачьим, когда он уже крепко обнимает меня, притягивает к себе за плечи, смеясь в макушку.

— Танюха, не ворчи! Ну, облажались, зато как красиво прошли центром города, зацени! Ты же у меня в шлеме была, чего ты?

Нет, он, и правда, дурак, и мне хочется еще раз хорошенько треснуть его по затылку, на этот раз проверив на крепость закипевшие от самоуверенности мозги.

— Я-то да, Мишка! Но ты-то нет! Ты хороший механик, но никудышный водитель, и это новое увлечение однажды может для тебя плохо кончиться. Чтоб ты так ходовую чинил, как в поворот входишь! — не сдерживаюсь я. — Я б тогда тебе с отцом с чистой совестью руки бы оторвала! А заодно и Егорыча пропесочила! Чем он вообще думал, покупая тебе спортбайк? Ты же после нашей поездки к карьеру месяц в гипсе с переломом обеих ног и ключицы лежал? Так неужели тебе мало?

— Ну все, успокойся! — еще сильнее прижимает меня к себе Медвед, не давая возможности пошевелиться. — Смотри, как бьется сердце, — запускает руку под куртку и неожиданно прикладывает ладонь под самой моей грудью, на миг пробуя ее тяжесть, просто опарашив нескромным прикосновением. — И стоило так заводить? Ерунда ведь, — продолжает смеяться, а я так и ахаю, когда он невзначай касается большим пальцем груди, спуская губы к уху. Собираюсь честно возмутиться, но тут кое-что посерьезнее фривольного дружеского объятия привлекает меня. Клуб «Бампер и Ко» — яркая неоновая вывеска над широкой дверью входа приковывает к себе внимание и я, наконец-то, понимаю, куда по собственной глупости этим вечером попала.

— Мишка, прекрати! С ума сошел, что ли? Нарвешься на кулак, я не шучу! — сержусь на друга не на шутку, немея от мысли, что могу прямо сейчас встретить здесь рыжего гада, который вот уже две недели прочно засел в голове и от одного воспоминания о котором у меня предательски подкашиваются колени. От того, какой я была с ним. То ли от страха, то ли от стыда... а то ли от предвкушения встречи.

— Извини, Тань, первобытные инстинкты срабатывают, ничего не могу с собой поделать. У меня на тебя...

— Заткнись, гоблин! И слышать не хочу, что там у тебя на кого! Или я тебя сама заткну!

— Все-все! Понял, Закорючка! Замолкаю! — Мишка отнимает от меня руки и шутливо

поднимает ладонями вверх. Отступает на шаг, разводя в сторону, но теперь уже я сама останавливаю его, вешаясь на шею.

— Медвед, родненький, поехали отсюда, а? — с чувством заглядываю в лицо, осторожно оглядывая боковым зрением многочисленную толпу у входа. Не хватало еще, чтобы хозяин этого чертового клуба застал меня у себя в гостях! Плевать я на него хотела! Плевать, с высоты небоскреба! На наглого рыжего зубоскала, что бы внутри ни чувствовала!

— И не подумаю! — словно издевается друг. — После того, с каким трудом тебя сюда вытащил... Нет, Тань! — честно заявляет, ощериваясь довольной улыбкой. — Сегодня я намерен хорошенько повеселиться. Да и дела серьезные нас сюда с друзьями привели, так что потерпи, Закорючка. Вот решим, чуток потусим за знакомство и разъедемся по углам. Доставлю домой в лучшем виде, не переживай!

Делать нечего, друзья Медведа и так обо мне не самого лучшего мнения, девчонки наверняка покрутят у виска пальцем, и я поднимаюсь на носочки и шиплю Мишке в лицо. Не думая, насколько глупо выгляжу со стороны:

— Сейчас же, Медвед, отвези меня домой! И девчонок тоже! Я их здесь одних с твоими безбашенными друзьями не оставлю!

— Да почему, Тань? Что случилось-то? — наконец, проникается моим волнением друг, сгоняя с лица улыбку. Подхватывает широкими ладонями под локти, заглядывая с беспокойством в глаза, когда резкий свист и вслед за ним громкий окрик «Эй, Саня, давай толпой к нам!» привлекают наше внимание.

Это он. Рыжий. Нет, не тот, кто подзывает к себе, а тот, кто стоит с ним рядом, спокойно наблюдая на шумное действие со стороны. Я вижу его сразу, как только удосуживаюсь обернуться, и тут же понимаю, что он узнал меня.

— Кажется, нас зовут, ребята, — отваливается от мотоцикла Саня Лом и топает, кивком приглашая парней последовать за ним, в сторону входа. Утаскивает за собой девчонок, а я так и стою, пойманная на крючок цепким взглядом, не в силах под ним пошевелиться, пока Мишка не обнимает меня за плечи и с радостным возгласом: «А вот и дела подвалили! Пошли, познакомимся с местной братией, Закорючка!», увлекает за собой. За разговором с друзьями упуская из внимания то, как непослушно передвигаются мои ноги.

С Рыжим девушка — темноволосая и стройная, повисшая осьминогом на крепкой шее. Она оценивающим взглядом встречает нашу компанию и что-то шепчет на ухо довольно ухмыляющемуся парню. Откинув голову, громко смеется собственной шутке, привлекая к себе внимание спутника, и вновь приваливается к нему так плотно, словно не в силах устоять на ногах.

— Ты не права, малыш, — озвучивает Бампер ее мысли. — Я всегда рад гостям. Особенно таким, как сегодня. Как жизнь, парни? — лениво бросает слова приветствия, и вот уже руки новых знакомых тянутся к нему, а голоса девчонок щебечут глупости, встречая внимание хозяина клуба.

— Бампер.

— Миша. — И странно-долгое рукопожатие Рыжего, будто проверка на прочность.

Он отпустил меня и больше не смотрит в мою сторону, и, глядя на то, как легко ему это удастся, как легко Рыжий теряет ко мне интерес, едва я оказываюсь рядом, вдруг утверждаюсь в мысли, что все, что было в последней минуте, мне просто показалось. Привиделось от неожиданности, не иначе. И узнавание, и цепкий взгляд, и напряжение в мужской фигуре... Почему? Не знаю. Может быть, потому, что мне так хотелось?

Хватит! Вот дура, и придумала же себе!

Я смотрю на довольного Мишку, на кокетливо распушивших перышки подруг в кругу парней, на гнущуюся ивой незнакомку у груди Бампера, на его руку, уверенно лежащую на бедре девушки — поглаживающую, спокойную, и понимаю, что мне не нравится то, что я вижу и то, как себя чувствую. Как будто меня предали. Странное ощущение, не спорю, совершенно неуместное и непонятное, неприемлемое для той, кто до сих пор казнит себя за совершенную ошибку, но, тем не менее, в отличие от Рыжего избавиться от сковавшего меня при виде него напряжения — не могу.

Потому что забыть не могу нашей сумасшедшей близости и понять: почему он? Не Мишка, не Серебрянский в мыслях, а он, почему?

Разве Бампер не тот, кого я ненавижу? Не самый наглый тип, которого повстречала, и кто дважды высмеял мой внешний вид, давая понять, что думает обо мне? О похожей на дешевую комедиантку девчонке?.. Даже сейчас, в обычный вечер у своего клуба он держится слишком самоуверенно, — одетый дорого, без нарочитой простоты, — чтобы даже такая деревенщина от моды, как я, не смогла усомниться в его вкусе. Во всем. И в том, что касается холеной брюнетки у крепкого плеча.

И снова девичий шепот на ухо, и громкий смех, и одобряющий взгляд Бампера скользнувший по смазливому личику.

— Конечно, малыш, я все помню.

И длинные пальчики, ласкающие сильную шею.

— Не сомневаюсь, даже не мечтай!

И мужской разговор, моментально отхлынувший на задний план.

Ему все равно. Абсолютно. И я, и та, что в его руках, и та, что будет после. Глаза Рыжего, при взгляде на девушку, слишком пусты и безразличны, чтобы суметь обмануть меня. Но разве я не знала, что так будет? Что для Рыжего ничего не значит пустой перепихон? Разве на что-то надеялась? Неужели не призналась себе, что сама виновата и плевать на него хотела?.. Так почему при взгляде на парня я чувствую обиду? Только вот за что, на него или на себя — не понятно.

— Отлично, как скажешь! Обмозгуем все после, а сейчас бы выпить не мешало, тем более что за знакомство сам Бог велел, — слышу я голос Ромыча и радостный писк Лильки:

— Я так и знала, ребята, что с вами вечер удастся! Правда, Тань? А ты еще ехать не хотела, — обращается ко мне подруга, а я все смотрю на руку, застывшую на девичьем бедре. Поймав себя за этим занятием, медленно отвожу глаза в сторону входа, где два квадратных вышибалы флиртуют с компанией девчонок. Пытаюсь на них сосредоточиться, когда слышу внезапное и негромкое, обращенное ко мне:

— Привет.

И сразу же за приветствием Бампера, удивленный вопрос Мишки:

— А вы что, знакомы?

Мое твердое «нет». И его уверенное «да».

— И все же? — это снова любопытный Медвед. Ну что он ко мне пристал?

— Немного, — я поднимаю глаза на Рыжего, встречаясь с ним взглядом. — Так, виделись пару раз.

— Это правда. Зато как виделись. Не думал, что ты забыла.

— Черт, парень, ты меня напрягаешь, — верный Мишка все еще улыбается, отражая ухмылку Бампера, но я чувствую, как твердеет его рука, лежащая на моей талии. — Надеюсь,

все было прилично?

Медвед не дурак и уловить намек на подтекст в словах Рыжего не трудно. Прилично? Ха! Да ни черта приличного в наших встречах не было, но Мишке знать об этом совсем не обязательно!

— Миш, брось. Это была свадьба наших лучших друзей, вот и все, — отрезаю я, не желая продолжать. Не видя смысла держать отчет ни перед одним из них.

— Как скажешь. — И снова великодушный Бампер, слишком уверенный, чтобы ответить моему другу. — Вот так, стараешься для вас, а вы все забываете, правда, милая? — еще ближе притягивает к себе девчонку и та сразу же игриво протестует коротким смешком.

Милая...

Нет, я помню.

Хорошо, что здесь неяркое освещение и не видно каким жаром наливает мои скулы стыд, — вспоровший защитную оболочку и затопивший меня. Рыжий все еще смотрит и его взгляд — наглый и открытый, говорит о том, что он знает, о чем я думаю. Мало того, хочет, чтобы я понимала...

— Тань, дай-ка я достану бумажник. Бросил во внутренний карман. Вот так...

Я все еще держу тяжелый взгляд Рыжего, не отворачиваясь и не отводя глаз, когда Мишка распахивает на мне куртку и подходит слишком близко, чтобы закрыть собой ото всех. Запускает пальцы во внутренний карман, а потом вдруг урчит сытым котом, заводя руки за мою спину. Мягко толкая к себе на грудь.

— Как горячо, обжечься можно. Ты у меня горячая штучка, Закорючка. Люблю жарких девчонок.

Что? Я утыкаюсь носом в теплую шею и не сразу понимаю, что происходит. О чем толкует друг детства и что пытается изобразить перед компанией, шаря по моему телу руками. Но чтобы ни пришло Мишке на ум, насколько бы он ни забылся в своей игре, одно знаю наверняка: подобные развлечения не по мне и принимать участие в дешевой импровизации «близких отношений» я не стану.

Я говорю тихо и холодно, почти леденя от злости, намереваясь остудить вконец вскипевшие мозги Медведа, решившегося в одночасье сменить привычный статус друга на непробиваемого, обнаглевшего придурка. Надеюсь, что он все же услышит меня перед тем, как я забуду, что нас связывает, и намеренно его покалечу.

— Медведев, немедленно убери от меня свои бесстыжие лапы, иначе я расквашу коленом о пах твои возбужденные яйца. Клянусь. Кому сказала, угод, отвали!

— Танюха, ты что! — тут же меняет Мишка тональность прикосновений, но из рук не выпускает. Смеется наигранно, бормоча в ухо. — Это же шутка, ты не поняла? Просто вечер сегодня такой — располагающий. Ну и ты — горячая и близкая, а я говорил, что соскучился. Мы ведь с тобой старые друзья. — И совсем уж шепотом. — А может, больше, чем друзья.

Это слишком даже для старого друга. Для того, с кем рос и вырослел, а однажды шагнул за черту. Но с Мишкой я надеялась сохранить прежнюю дистанцию, знала что будет непросто снова взглянуть в глаза друг другу, но после двух лет молчания, у нас как будто все получилось... Как будто.

И ведь нет у него ко мне чувств никаких, я же чувствую! Так, мужское самолюбие играет. Однажды задетое за живое тем, что выбрала именно его, а после оттолкнула.

Но ведь объяснила, как смогла. Все честно сказала, и он согласился.

И я согласилась, что после ни в чем не упрекну. Не предъявлю претензий.

Не влюблюсь и не стану ныть, как последняя дура...

Господи, какими же глупыми мы были!

А сейчас разве поумнели?... Ничуть!

Чтобы не ударить парня, я отталкиваю его прочь сама. Сдергиваю с себя мужскую куртку и бросаю ему в грудь, сжеживая с губ обидное, чувствуя на оголившихся плечах шепот вечерней прохлады:

— Значит, горячая штучка, да, Медвед? Да пошел ты...

И хриплый голос Рыжего, вслед за Мишкиным «Та-ань!»:

— Подожди!

— И ты тоже, милый, — рычу, так и не обернувшись. Вскинув к плечу средний палец. —

Оба — пошли к черту!

— Танька!

— Крюкова, ты куда?

А это уже девчонки. Ничего, захотят — не потеряют. Недалеко топать!

Вечер решительно располагает к подвигам и я, сорвав с бедер куртку, размахивая ею при гордом шаге, направляюсь к входу в клуб, намереваясь, раз уж карта легла быть мне нынче изгоем, отпраздновать свое одиночество на всю катушку. Тем более, что настроение подкатило — удавиться, а устроить праздник самосожжения, с последующим отрезвляющим самоедством, я себе в два счета и сама могу!

— Эй, Макс! Пропусти ее!

Снова проклятый Рыжий и грозный охранник-гризли тут же послушно пятится в сторону на окрик хозяина, уступая путь.

Ну уж нет. Нам с барского плеча подачек не надо, это к брюнетке под боком. Дешевой комедиантке сегодня вполне по силам заплатить за вход и даже купить себе пару хороших коктейлей — спасибо родному папе и привычному режиму рядового студента «экономь экономно!». Я достаю из куртки деньги и вкладываю купюры вышибале в руку.

— Держи, родной! Не люблю быть должна.

— Понял!

Дожидаюсь, когда громила широким жестом распахнет передо мной дверь, вхожу в клуб, и застываю на пороге, оглушенная обилием народа, грохотом музыки и гудящего перед глазами, в лучах вертящихся над головами вертушек-фаерболов, танцпола.

«Бампер и Ко» — клуб дорогой. За ним стоят две влиятельные семьи. Здесь девочек «уважают» бесплатным входом только по праздникам. Я была в клубе пару раз с друзьями, оба раза больше года назад, но где находится бар — не забыла.

Я нахожу глазами площадку со столиками, за ней — широкую барную стойку с рядом высоких стульев, и, увидев парочку свободных в конце, решительно направляюсь к симпатичному бармену за своей не выпитой порцией двойного «Скрудрайвера»*.

— Всм... стб... зы-ы... ик! ... накомы, детка? — едва опускаюсь на стул, как парень по соседству отрывает немигающий взгляд от стакана с алкоголем, разъезжается в пьяной улыбке, и тянет ко мне ладонь. — Ф-федя! — представляется и тут же уважительно присвистывает, разворачиваясь ко мне лицом и сползая со стула. — Ниф... ик!.. игасе, какая ты... Одинокая, да? Ка-ак я?

У-у. Еще и полночи нет, а, кажется, кому-то пора выключить свет и уложить на боковую.

— Отвали. — Я даже не поворачиваюсь. Просто протягиваю руку и утыкаю палец в накренившуюся ко мне грудь. — Застрелю! Двойную «Отвертку» можно? — оскиливаюсь

взглянувшему на меня бармену. — Так, чтобы не ждать?

— Конечно! — улыбается парень. — Сделаем! Слышь, Федь, — обращается к отмаргивающемуся на меня соседу, удивленно бормочущему: «Охо! Сы-серьезно, что ли, зы-застрелишь?». — Иди проветришь, а? Пора. Захочешь, после продолжим, а сейчас иди. Не задирай девушку.

— Я? Да она сама...

— Иди-иди, Федь, — выпроваживает гостя в сторону выхода, после чего возвращается и, глядя вполне приветливо, виновато вздергивает плечами. — Не обращай внимания. Нормальный парень. Просто его девушка оказалась сукой, вот и наливается.

Едали без масла, знаем.

— Бывает.

— Точно. Ничего, переживет.

— Спасибо, — я забираю коктейль из рук разговорчивого бармена, оставляя без внимания приветливую улыбку. Да пошли они все — смазливые. В тундру! К моей матушке! Заправив за ухо выбившуюся из хвоста прядь, отворачиваюсь к танцполу и молча цежу апельсиновый фреш с водкой, глядя на танцующую публику, когда на соседний стул опускается расстроенная Еременко, держа за руку хмурую Настю.

— Тань, эти придурки, что на улице, чуть не подрались, представляешь? — сообщает огорченно. — Оказывается, этот Бампер хам, каких поискать! Как только ты ушла, он сказал твоему парню, что тот может искать себе новую подружку, потому что ты к нему явно охладела. Вот же дурак, да?

— Надо же? — почти равнодушно отзываюсь я. — А Мишка, что же? И, Лиль, — замечаю подруге очевидное, — если что, он не мой парень. Просто друг. Бывший друг, надо полагать. Так что там Мишка? — снова цежу коктейль.

— А что Мишка? — вскидывает Лилька тонкую бровь. — Ты же этого рыжего видела, что такому скажешь? Он себя ведет так, как будто у него в штанах вместо обыкновенных яиц — закованные в броню фамильные «фаберже». Только попроси и потрогать даст, так выпирают. Твой Мишка его за грудки схватил, а он его к стене припер, мальчики разняли, вот и весь разговор. А дальше нас с Настенкой сюда отправили. Как думаешь, не поубивают они там друг друга?

Я смеюсь почти со злостью. Кто бы мог подумать! И главное: зачем это Рыжему?

— Размечталась, — говорю подруге. — Было бы из-за кого! Расслабься, Лиль, раз уж мы попали в клуб, — показываю взглядом в сторону бармена, — пользуйся моментом. А мальчики взрослые, сами разберутся. Если кому и прилетит по куполу, значит, заслужил.

— Точно! — грустно вздыхает Настя. — Да пошли они! Уверена, этот Саня Лом меня даже в лицо не запомнил, не то, что мое имя! Все детка, да детка... А только что Наташкой назвал. Вот же козел!

— Козел! — соглашается Лилька, и с этой минуты вечер «одиноких девчонок» объявляется открытым.

Девчонки проверенные, их долго уговаривать не надо. Нам хватает полчаса, чтобы за смехом и двойным «Скрюдрайвером» нагнать нужный градус настроения, а через час мы уже так лихо отплясываем в центре танцпола, дружно горланя вместе с Эми Уайнхаус, какие же мы плохие и с нами одни неприятности, что на душе становится почти легко...

— I cheated myself,

Like I knew... I would,
I told you... I was trouble,
You know that I'm no good... **

* * *

Это что-то новое, уже проснувшееся, но еще не обретшее названия. Непонятное чувство, очень похожее на сильный голод. Оно царапает, а следом обжигает меня изнутри, сжимая крепкой хваткой желудок и выкручивая нутро, при взгляде на Коломбину в чужих руках.

Она приближается к нам со Стасом в окружении друзей, и я несколько раз нервно сглатываю, наблюдая растерянный вид девчонки. Замечая, с какой неохотой несут ее ноги в мою сторону.

Она не рада мне, это ясно. Было ясно всегда — с нашей первой встречи. Так почему именно сейчас это так заводит? То, что я неприятен Коломбине? Может потому, что я завис на ней, как дурак?

Мне стоит больших усилий не смотреть, как уверенно обнимает ее незнакомый парень и как уютно ей в куртке с чужого плеча. Должно быть, куда уютнее, чем в пиджаке, прикрывшем дыру на юбке, — результат нашей общей несдержанности. Или желания. Хочется, все же, верить в последнее.

Я переключаюсь на теплое тело у своего бока, и даже, кажется, что-то отвечаю девчонке — прости-малыш-я-забыл-твое-имя — на невнятный лепет, раздражающим смехом ударивший в ухо...

— Новенькие? Не помню их по клубу. Смотри, какие заискивающие лица! Что, Витюша, снова просят в займы твое внимание? Не надоели подобные гости?

...Здоровуюсь с парнями и дольше обычного задерживаю в ладони руку темноволосого типа, борясь с зудящим желанием заехать тому кулаком по морде. За то, что привез Коломбину сюда. За то, что трогал на моих глазах. За то, что был с ней... это легко читается во взгляде, пока я, как последний придурок, все эти дни вел жизнь конченного монаха, снова и снова, словно герой фильма «День сурка», возвращаясь мыслями к нашей последней встрече. Еще не понимая до конца причину, держа девчонку на расстоянии, но не желая нечаянной связью стереть воспоминание о смелых, жадных, потрясюще-требовательных губах, сведших меня с ума. И горячем, опалившем висок дыхании, оборвавшемся неподдельно-довольным стоном...

Чертова Коломбина! Мне хочется взять ее за шиворот и встряхнуть из нее душу, потому что то, что я сейчас чувствую, глядя, как уверенно, по-собственнически перехватывает ее талию мужская рука — меня до сволочного злит.

Малыш-я-не-помню-кто-ты что-то весело бормочет у плеча, отвлекая на себя внимание, и я тут же, практически со свистом втягиваю воздух сквозь зубы, с удивлением встречая понимание, что впервые в жизни пытаюсь обуздать проснувшийся во мне, подобного рода гнев.

Какого черта, парень! Ты ведь никто для нее! Она просто использовала тебя, помнишь?

Помню. Как помню и то, с какой поспешностью Коломбина оттолкнула меня, получив свое. Как будто ужаснулась совершенному...

— Конечно, малыш, я все помню, — какая разница, что не ей, все равно ответ для нее.

— Не сомневаюсь, даже не мечтай! — не важно, что не она, я и не думал сомневаться.

Я отвлекаюсь на компанию, раздаривая неожиданным гостям дежурные фразы хозяина клуба. Выслушав резоны Стаса и Лома — обещаю спорт-байкерам позже деловой разговор и свое время... если не сорвусь к черту и не уберусь подальше от бесстыжих карих глаз, прожигающих во мне дыру, прихватив с собой выпивку и безымянную кажется-я-был-с-ней-пару-раз девчонку. И к монахам и церковному уставу воздержание! А Коломбину — к дьяволу!

Сейчас, когда я не смотрю на нее, она смотрит на меня сама, греясь в объятиях темноволосого типа. Я чувствую на себе ее взгляд и, не в силах терпеть его прямоу, поворачиваюсь к ней, собираясь сказать...

Что? Что ты — чертов придурок — собираешься ей сказать, а? Какого черта ты здесь делаешь с этим козлом?

Неважно. Поздно. Она уже отвернулась, и мое удивление остается неразделенным. Я ожидал увидеть в ее глазах что угодно: раздражение, равнодушие, даже ненависть... А увидел обиду — хватило мгновения, чтобы понять. Не жгучую обиду. Другую. Неясного толка, очень похожую на разочарование...

Неожиданно.

— Я смотрю, сегодня здесь полно народу — стоянка забита. Если это обычное положение вещей, то твоей предприимчивости, Бампер, стоит позавидовать. Слышал, раньше на месте клуба был ресторан? — Темноволосый дружок Коломбины слишком разговорчив и слишком доволен происходящим на фоне своей хмурой подружки, чтобы ему захотелось ответить.

— Скорее занюханный пивбар с упитой алкашкой. Правда, Витек? — скалится Стас, но я уже успел сдвинуть его и остальных на периферию, вглядываясь в тонкий профиль интересующей меня девчонки.

— Привет, — мне нужно еще раз заглянуть в карие глаза, чтобы понять, в чем я ошибся.

— А вы что, знакомы? — Черт, до чего любопытный. Так и хочется растолковать, что к чему, заткнув вопросительный знак жирной точкой.

Ее слишком поспешное «нет!». И мое, почти злое в ответ: «да».

И вот теперь глаза в глаза, впервые так долго после нашей встречи.

Значит, забыла? Виделись пару раз?.. Просто свадьба друзей?.. Не ожидал. Я почти чувствую, как злость на Коломбину, зудя в груди, поднимается к горлу, тугим кольцом перехватывая дыхание.

А я-то, дурак, устроил себе натуральный целибат, пока она времени зря не теряла, кувыряясь со своим любознательным дружком и, наверняка, так же ярко кончая, как со мной.

Твою мать!

И мою! Со всеми ее любимыми модельками, так щедро рассыпанными по квартире, что только протяни руку и возьми... И ведь брал же! Черт! Так почему сейчас застопорил?

Я вспоминаю темперамент Коломбины, то, как требовательно ее пальцы впивались в мои плечи, а ноги сжимали бедра, и с неожиданной досадой дергаю на себя подружку — малыш-какая-разница-как-тебя-зовут-не-хочешь-развлечься? — забираясь ладонью под край короткого платья. Да, представляя на ее месте другую, но кому сейчас есть до этого дело?

— Как скажешь, — скалюсь Коломбине на все тридцать два заточенных клыка. — Вот

так, стараешься для вас, а вы все забываете, правда, милая? — намеренно даю понять, как обстоят дела в отношении ее и моей сегодняшней пассии, и она понимает. Вот и хорошо, умная девочка. Смотрит на меня с холодом и злостью, заливаясь румянцем, и это, клянусь, дорогого стоит!

Не знаю, что ее дружок углядел в нашем бодании взглядов — со стороны все выглядит слишком невинно, но он вдруг наваливается на девчонку, сминая в своих руках. Доводит меня до белого каления пошлыми фразами о том, насколько она у него горячая и отзывчивая, все ниже склоняя голову к ее лицу...

Я жду от Коломбины показного урчания в ответ и, возможно, смеха — я слишком увлекся в линчевании ее самолюбия, зайдя за черту, — но, клянусь, дальнейшее становится для меня полнейшим сюрпризом. Как, впрочем, и для ее дружка.

— Значит, горячая штучка, да, Медвед? — Она не только отказывается играть роль внимательной подружки, она отталкивает парня от себя так, как будто он ей до лешего осточертел, шипя рассерженной кошкой. Снятая куртка летит темноволосому в лицо, обнажая слишком открытые для прохладного вечера стройные плечи и неожиданно нежные, как для такой порывистой девчонки, руки. — Да пошел ты...

Его виновато-растерянное «Та-ань!», и мое внезапно-запоздалое вслед Коломбине: «Подожди!», наткнувшееся на ядовито-едкое, приправленное недвусмысленным жестом:

— И ты тоже, милый. Оба — пошли к черту!

И твердым шагом к клубу. Туда, где выпивка и веселье.

— Эй, Макс! Пропусти ее! — охранник выполняет команду безукоризненно, но девчонка решает за себя сама. И новый «фак!», как удар ниже пояса.

— Впечатляет. — Я все еще улыбаюсь, раскуривая сигарету, сплевывая горькую слюну в сторону темноволосого, явно озадаченного поведением подруги. — Похоже, парень, — замечаю контрольным в голову, — тебе стоит поискать для своего дружка в штанах новую горячую штучку. Твоя девчонка к нему явно поостыла.

Малыш-не-пошла-бы-ты-куда-погулять звонко смеется, и парень Коломбины срывается с тормозов, оказавшись отнюдь не робкого десятка.

— Закрой рот, ты, урод! — метнувшись ко мне, сщеживает сквозь зубы, встряхивая меня за грудки. — Не зря ты мне сразу не понравился! Что у тебя было с ней, а, Бампер? Какого хера ты лезешь к Таньке с приветами? Что за фигня с намеками, мать твою?!

Как много вопросов. Не уверен, что хочу отвечать. Вместо ответа мне приходится прижать парня спиной к стене клуба, протащив на себе несколько метров, напугав, вскрикнувших в унисон от нашей внезапной потасовки, девчонок.

— Какие намеки, спортсмен? Обижаешь! Тебе ясно дали понять: не твое дело. Довольствуйся, или иди нахрен, пока я тебе подробнее не разжевал! Очень меня злит твоя унылая рожа!

— Эй, ребята! Вы чего? — нас разнимают шестеро рук, оставляя тяжело дышать, глядя друг на друга.

— Медвед, какого черта? Мозгами тронулся? Это же Бампер! Дело решил завалить? Нахрена тогда ехали?

— Да хоть задний привод! Мне похер! Хочет мужской разговор — он его получит! Я тоже люблю разжевывать непонятливым.

— Ой, нарвешься, пацан...

— Витек, ты рехнулся? — тормозит меня Стас, толкая в плечо. — Что с тобой? Завелся

вполоборота не пойми с чего. Не хочешь иметь дело с парнями — так и скажи! Я им вмиг растолкую расклад. Зачем с пустого-то наезжать? Ты же сам попер, я свидетель!

— Стас-с...

— Что?

— Не пошел бы ты...

— Взаимно! — невозмутимо отрезает друг. — И тебе, Витек, дальней прогулки! Что с девчонкой? — оглядывается на оставшуюся в одиночестве подругу малыш-ты-все-еще-здесь? Растерянно теребящую в руке дамскую сумочку.

— Впусти в клуб, а там — свобода. Этих, — киваю головой в сторону набычившейся троицы, — запустишь, как только поостынут. Пусть пока проветрятся. Если не передумают, разговор о деле останется в силе. Позже, — я сбрасываю с себя руку друга, одергиваю на плечах куртку и решительно шагаю к входу в клуб. Один. — Не сейчас.

* * *

Музыка заводит. Мне кажется, я танцую уже так давно, что теряю счет времени. Волосы растрепались, хвост съехал набок, но мне все равно. Охочих познакомиться хватает, и я легко дарю медленные танцы одному, второму, третьему... даже не запоминая имен... Снова накачиваюсь с девчонками коктейлем и разгоняю алкоголь по венам диким драйвом субботнего вечера на танцполе.

— Йухху! Давай, Настена! Давай! — полупьяно орет Лилька, размахивая над головой руками, и тут же повторяет за подругой неприличные движения, во всю виляя задницей и строя глазки парням. — Танька, не старайся, у меня все равно лучше всех получается! — громко смеется, и я смеюсь вместе с ней, и не думая вытворять нечто подобное. Мои ноги и бедра вполне послушны музыке, руки вскинута над головой, но мне до черта долгое время мешают голубые глаза. Его глаза — проклятого Рыжего, нашедшие меня и не отпускающие ни на минуту.

Файерболы под потолком вспыхивают желтым светом, и я вновь вижу высокую фигуру Бампера в просвете между танцующими. Ухожу от его взгляда, забываясь в чужих руках, проклиная про себя, вспоминая, как его ненавижу, но снова и снова сама возвращаюсь к нему, отыскивая глазами в толпе.

Это как наваждение. Как тоска. Как голод. Внезапно проснувшийся голод по человеку, что находится от тебя в десяти шагах, и которому ты противостоять не в силах... Вот уже в пяти шагах... двух...

— Убирайся! Видеть тебя не хочу! — но сильные руки отрывают меня от незнакомого парня и притягивают к груди Рыжего.

— Тогда просто закрой глаза, — уверенно, без права выбора. Как будто эта мелочь все решит.

Черта с два! Но глаза послушно закрываются, а язык немеет, едва щека касается твердого плеча, а теплая ладонь Бампера — голый кожи спины, обжигая прикосновением.

И снова этот одуряющий запах дорогого парфюма и табака. У самого изгиба шеи. Там, где отчетливо бьется пульс...

Да, это он. И вот уже мир под ногами рушится в бездну, выпуская на волю из-под разломов языки пламени, что вновь — я чувствую это — сожгут меня. Оставив душу плясать

на пепле.

— Отпусти.

— Нет.

— Сволочь.

— Знаю, — так близко у виска, не позволяя взглянуть друг другу в глаза.

Руки Рыжего куда смелее рук Мишки. Они ищут, вспоминают, сминают кожу, а тело отказывается протестовать против их прикосновений. Напротив, само льнет к этим наглым рукам, бесстыже изучающим меня, обещая и позволяя. Предавая...

Я чувствую напряжение в его широких плечах и скрытую дрожь в нетерпеливых пальцах, ползущих по моей спине. Слышу учащенное дыхание, спустившееся к уху, будоражащее проснувшееся желание похлеще откровенных слов...

Черт, мне не нравится эта власть Рыжего надо мной! Сейчас! Я должна сказать ему все прямо сейчас! Как глубоко его ненавижу. Как он мне неприятен и чужд! Омерзителен в своей вечной самодовольной ухмылке! Бабник, гад, и просто наглая морда! Но губы со вздохом размыкаются, чтобы вместо слов коснуться мужского подбородка чуть слышным предательским стоном...

Нет! Я просто пьяна и сошла с ума. Это не может повториться.

— Пойдем! — и больше ничего. И вот я уже иду за его рукой, поймавшей мое запястье, послушно переставляя ноги, пробираясь сквозь толпу танцующих тел в темный коридор, и дальше — в незнакомую комнату. Слышу, как громко хлопает за нашими спинами входная дверь, и вдруг оказываюсь распластанной на стене. Так быстро, что едва ли успеваю сделать вдох и податься навстречу встречающему мои губы рту...

Все-таки стол... Нет, диван... Черт, не знаю! Топ слетает с меня, застежка бюстгалтера рвется в нетерпеливых пальцах, а следом я сама стаскиваю с Рыжего куртку, стягиваю футболку, встречая голой грудью навалившуюся на меня горячую тяжесть сильного тела. Наш поцелуй настолько крепок, что не разорвать, и я спешу помочь жадным рукам Бампера обнажить себя. Обнажить его. Чтобы встретиться, пустить, почувствовать... Еще раз пережить самую яркую в своей жизни кульминацию...

— Коломбина, — жаркое дыхание на запрокинутой шее обжигает, как и скользящие вдоль линии скул губы. — Почему так долго?

— Что? — не понимаю я, а он уже со стоном входит в меня, дергая за бедра себе навстречу. Вжимаясь, толкаясь, насаживая... Фиксируя руку, в неосознанном жесте метнувшуюся к нему, над головой крепким захватом.

— Ты меня так измучила, девочка. Чуть не сдох!.. Да, вот так, милая, вот так, — царапает щетиной щеку, находит губы, жестким давлением требовательных бедер заставляя шире развести ноги для него и для нашего общего с ним схлестнувшегося желания.

Не слышу. Не хочу слышать. Это не обо мне. Не со мной. Я крепко закрываю глаза, прогоняя мысли, разрешая себе лишь чувствовать... Сама прогибаюсь навстречу и встречаю. Требую внимания от Рыжего еще и еще, не позволяя ему вести самому, каждым движением все увереннее заявляя о себе, да он и не хочет. Он играет со мной, умело уступая лидерство... Вновь отбирая... Распаяя непрошенным поцелуем грудь, встречая укусом, взлетевшие в вялом протесте к его щеке пальцы.

— Давай! — милостиво разрешает взойти на пик, и сам тут же поднимается следом, с хриплым стоном ударяясь в меня, запечатывая поцелуем рот, почти бесчеловечно продлевая вспоровшее меня надвое удовольствие. Прижимая к себе так сильно, что я едва ли могу

дышать...

И после всего тихое. Не ко мне, к себе:

— Проклятье, Коломбина, что к чертовой матери происходит?

За дверью гремит музыка, удары пульса стихают, и все, о чем я могу думать, это о том, что вновь совершила глупость. Я или все же не я? Другая, сумасшедшая и незнакомая мне, охваченная слепой похотью девчонка?

Поцелуй Рыжего в плечо, уже без страсти — спокойный и ленивый, смущает и кажется фальшивым. Как и взгляд голубых глаз, остановившийся на моих голых ногах. Рука, вдруг вернувшаяся на бедро, скользнувшая между ног и собравшая на ладонь все, что он во мне оставил, довершает дело...

— Перестань. Уже... уже все, слышишь! Не надо больше.

— Ты покраснела, Коломбина.

Какая к черту разница? Это слишком даже для меня. Мои руки все равно отталкивают его.

— А ты делаешь все только хуже.

— Почему?

— Потому что.

— И все же? — напрасно он поднимает к себе мое лицо, я больше не смотрю на него, отдернув подбородок. — Мне казалось, мы хотели «этого» оба.

— Потому что ты уже все получил. И я... — я должна сказать это, иначе распишусь под собственным лицемерием. — Я тоже... получила.

— Коломбина, послушай... — Черт, до чего упрямый!

— Я просила тебя не называть меня так!

— Не могу, — и вновь ухмылка на пол-лица. — Ты Коломбина для меня, милая.

Это слишком. Хотя, скорее видится правдой, чем ложью. Я все же поднимаю лицо и стараюсь смотреть на Бампера прямо.

— Что, такая же до жалкого смешная? Или дешевая и доступная, как бульварная комедиантка? А-а, ну да, — делаю шаг в сторону, чтобы поднять с пола свой желтый топ. Прикрыв им грудь, одергиваю на бедрах, вздернувшуюся было к талии юбку. — Девчонка без вкуса. Не чета тебе — завидному парню. Посмешище всех местных газет. Ну давай, скажи уже, Бампер, что обо мне думаешь? Или я даже твоего ответа не стою? Оскалься так, как умеешь только ты, чтобы я от стыда провалилась сквозь землю!

И он говорит, больше не улыбаясь. Просто и зло. Отворачивается к стене, чтобы голым пройти к умывальнику и помыть руки, оставив меня с открытым ртом обозревать его бесстыже-упругий, мускулистый зад. И крепкую, развернутую в плечах спину:

— Дура.

— Что?

— К тому же глухая и пьяная.

— Да п-пошел ты...

Мы одеваемся молча. Не глядя друг на друга, и больше не касаясь словом. Мой бюстгальтер безнадежно испорчен, и я бросаю его в мусорное ведро, уже не надеясь отыскать в том бедламе, что мы с Рыжим устроили, вихрем пройдясь по его рабочему кабинету, нижнюю часть своего белья. Натягиваю одежду и обещаю себе тотчас же убраться в общагу, едва переступлю порог этого чертового клуба, хозяин которого умеет не только удовлетворять женщину, не хуже Казановы, но и читать мысли, как долбаный

Калиостро.

— Я сам отвезу тебя. Черта с два ты поедешь со своим хлыщем на его спортбайке.

— Попробуй, помешай мне.

— Сомневаешься?

— А ты нет?

— Нет, — твердо отвечает Рыжий, открывает дверь, чтобы выпустить меня в полутемный коридор, шагает следом... а уже через секунду, резко обернувшись, рушится у стены, как подкошенный, сраженный в висок точным ударом кулака. На моих глазах теряя сознание от удара головой о дубовый косяк двери...

— Медвед! Ты... Ты... С ума сошел?!

Мишка пьяно шатается, и даже сотворенная им подлость не приводит парня в чувство.

— Вот и поговорили. Ну и сука ты, Танька. Не хотел вам мешать. Тебе хоть понравилось? — хищно скалится, смерив меня брезгливым взглядом, намекая на мою шалавную сущность, а мне плевать. Я не успеваю подумать, как заряжаю Медведеву кулаком в ухо.

— Еще как! Придурок чертов! Ты что натворил?! — ошалело кричу и тут же команду, вталкивая его — оторопевшего — за рукав в кабинет. — Быстро! Звони в скорую! Если ты его убил, я тебя сама без суда линчую! Ну! Чего пьяным бараном встал? Живо звони, кому говорят!

— Тань...

— Потом, Медвед! Все потом! А сейчас звони!

Мишка уходит, я падаю на колени возле Рыжего и всматриваюсь в его лицо. Протянув ладони, осторожно ощупываю голову...

Нет, вроде бы крови нет, но мало ли о чем это может говорить? Я ничего не смыслю в оказании первой помощи, парень без сознания, и, чувствуя, как под моими пальцами опухает висок, наливается гематомой бровь и верхнее веко, я понимаю сердцем, что такое липкий страх и вина.

— Ммм, голова... Кажется, меня сейчас вырвет.

— Не вздумай подниматься! Если у тебя сотрясение мозга, тебе нужна профессиональная помощь! Слы... слышишь?

Но как только я подхватываю Бампера под плечи, осторожно опуская его голову к себе на колени, он снова теряет сознание.

Когда проходит долгие полминуты, а он все так же молчит, кажется, я реву.

— Чертов слабак! Ну, давай уже, блевани, что ли! Или я тебя сейчас сама так растрясусь, что мало не покажется!

* * *

— Девушка, шли бы вы домой, а? Время — почти восемь утра, через двадцать минут я сдам дежурство непосредственно лечащему врачу. Уверен: после осмотра пациента он скажет вам все то же самое! Все будет хорошо, не переживайте! Повреждений костей черепа нет, внутричерепного кровотечения нет, утраты памяти нет, реакция на раздражители присутствует... Да, с учетом клинической картины случившегося, но присутствует! А как вы хотели? Сотрясение мозга — это вам не шутки! Травмы — дело серьезное! Так что на

ближайшие три дня ваш парень — наш пациент! Мы таких молодцов здесь в травматологии пачками штопаем и латаем каждый день! Ничего, справимся!

— А...

— Консультация невролога, обезболивающее, успокоительное, покой и сон. Много сна и покоя. Здоровый, крепкий организм быстро пойдет на поправку, вот увидите! Он у вас парень дюжий!

— Но, как же...

— А вот это к лечащему врачу — за назначением и прочим. Всю необходимую помощь на данный момент я оказал, дальше, как уже сказал, под наблюдение к Валерию Яковлевичу. Так что, давайте-ка, милая моя, поезжайте домой! Нечего здесь торчать, смущая болезных бледным видом и голыми плечами. Давайте-давайте! Вот компресс любимому обновите — пузырь со льдом на уже известные нам с вами десять минут, а дальше сестрички сменят...

— Спасибо. — Я смотрю вслед доктору, открываю дверь в палату и возвращаюсь к Рыжему. Пройдя между койками с проснувшимися больными, сажусь на стул в изголовье постели тревожно спящего парня, беру сложенное в несколько слоев полотенце, захваченный из сестринской пузырь со льдом и заново прикладываю компресс на лоб и висок Бампера, взглядом отмечая новый ход стрелки настенных часов.

Десять минут... девять минут... восемь... За эту ночь я успела рассмотреть Рыжего со всех сторон, несколько раз вынести за ним ведро, дать лекарство и даже заново раздеть, наслушавшись ругани и стонов... Чуть не подраться с полубессознательным дураком из-за телефона и желания позвонить его родным. Даже вздремнуть, чуть не свалившись со стула.

«Тоже мне — любимый!» — негромко хмыкаю, удивляясь словам мужчины. Хотя сама виновата, никто за язык не тянул, когда в скорую лезла, уверенно назвавшись его девушкой. Да и после, уже с медсестрами и врачом...

Черт, как холодно! Рука, не выдержав, вздрагивает, роняя пузырь на подушку, — эта ночь была слишком насыщенной для меня.

— Мама?

Голос хриплый и скрипучий, но уж какой есть. Больной на соседней койке — совсем мальчишка — еще спит, и я не удосуживаюсь прочистить горло.

— Нет. Но мама тоже скоро здесь будет. Извини, я все-таки позвонила.

— Таня? — он говорит это как-то слишком чисто для данного момента, чуть приоткрыв глаза, тут же скривившись от ударившего в них света, и я на миг немею от удивления, встречая его настоящего. Почему-то решив, что он вновь спутал меня с другой.

— Нет, не Таня. Коломбина. — Нависнув над парнем, возвращаю пузырь со льдом на место, находя на подернутом болью лице голубой взгляд.

— Шутишь?

— Очень надо. И не думала даже.

— Мне хреново, Коломбина.

— Я вижу.

У него не получается улыбнуться и он тихо рычит сквозь зубы, вдруг ловя пальцами мое запястье.

— Что? Тебе холодно? Убрать?

— Нет. Посиди так со мной, — просит, и я сижу. Пять минут... четыре... три...

— Отпусти. Время вышло. Если не убрать лед, можно запросто обморозить мягкие ткани. Слышишь? Я серьезно.

Конечно, слышит. Но поступает странно. Убрав лед, возвращает мою ладонь на висок, уверенно накрывая ее своей рукой и закрывая глаза.

Он не совсем в себе, я должна об этом помнить, и все же подобное действие Рыжего, далекое от бессознательного, вызывает во мне чувство неловкости, заставляющее скулы заалеть, а губы приоткрыться в протесте. Который, впрочем, так и не слетает с них, едва я чувствую насколько рука, накрывшая мою ладонь, горяча. Слыша бьющийся под кожей виска учатившийся пульс. Понимая, что, кажется, у Рыжего вновь поднялась температура.

Чтоб его!

— Эй, — я осторожно окликаю парня, зависнув над ним, все больше сползая со стула.

— Я замерз.

— Сочувствую, но мне неудобно. Я могу упасть на тебя.

— Валяй, — милостиво разрешает Бампер, лениво махнув рукой в приглашающем жесте. — Падай на меня, Коломбина, так будет по-честному. Я-то на тебе уже полежал, теперь твоя очередь.

В палате шесть коек с больными, из-за спины в этот утренний час доносится движение и разговор, и все же в комнате достаточно тихо, чтобы слова парня не смогли достичь любопытных ушей.

— Дурак, — шепчу я себе под нос, досадуя на Бампера за то, что он не очень избирателен в словах. — Пойди еще в окно покричи.

— Я все слышал, — ворчит Рыжий, и не думая меня отпускать. Напротив, приоткрыв глаз, надвигает мою ладонь на лицо, став похожим на раненого пирата. — Я полудохлый, детка, но не глухой. Что, все настолько плохо? — спрашивает вдруг, что-то прочитав в моем взгляде. — Жалко Рыжего?

— Есть немного, — неохотно признаюсь я. — Медвед поступил подло, но ты тоже хорош. Кто тебя за язык тянул с твоими намеками? Зачем конфликт спровоцировал? Мне девчонки рассказали. Он же слишком прост для тебя — Мишка.

— Ого, — Бамперу все же удается изобразить ухмылку. Недобрую, ну и ладно. — А ты меня, Коломбина, смотрю, зауважала.

— И не мечтай. Просто говорю очевидное.

— Тогда скажи своему ревнивому хлыщу, что я верну должок. Пусть не надеется, что отшиб мне память.

— Он не мой хлыщ. — Я пробую убрать ладонь, но Рыжий не позволяет.

— Ну да. Я сам видел, как он тебя лапал. Не сочиняй, девочка.

— Ты меня тоже лапал. И даже больше, — как можно равнодушнее замечаю я, чуть понизив голос. Чувствуя какую-то острую необходимость принести себе боль этим признанием. — И что это меняет в наших отношениях?

Я жду, что мои слова смутят парня. Или, по крайней мере, заставят отпустить, отвернуться, закрыть глаза... тем самым избавив меня от приковавшего к себе голубого взгляда, — такого яркого, почти пронзительного в это солнечное утро. Но Бампер предпочитает ответить загадкой.

— В наших отношениях, Коломбина, это меняет все.

Я молчу, долго, просто рассматривая его, пока вдруг не говорю то, за что тут же готова откусить себе язык. Едва ли контролируя сказанное. Оправдывая после свои слова сильной усталостью и временным помутнением рассудка.

— Не карие и не зеленые, почему?

— Что? — не понимает Бампер.

— У тебя глаза, как небо. Почему? Разве такие бывают у рыжих?

— Не знаю, — он умудряется в растерянности пожать плечом. — А что, нравятся?

— Нет. — Я отвечаю слишком поспешно для правдивого ответа, и он успевает распознать ложь.

— Врешь.

— Иди к черту со своими шарадами! — наваждение прошло, я отворачиваюсь и тяжело вздыхаю, чувствуя навалившуюся на плечи усталость. Пройдясь рукой по распустившимся, спутанным волосам, убираю их за ухо, отыскивая глазами оброненную у ног заколку.

— Ты ужасно выглядишь.

— Не смотри.

— Не могу. Как только закрываю глаза, меня мутит.

— Сам виноват, нечего кого-то винить.

— И все же я спрошу с твоего дружка. После. Не обессудь.

— Спроси. Лет через пять.

— Почему это?

— Потому что Мишка сейчас сидит в кутузке, и, если ты не опровергнешь его пьяное признание в покушении на твою жизнь, выйдет оттуда не скоро. Сам он ни за что не отступится от своих слов, я его знаю.

Теперь молчит Бампер, изучая меня из-под длинных темных ресниц, — еще один контраст в его внешности, так поразивший меня в нашу первую встречу.

— Жалко его, да, Коломбина? — спрашивает тихо, медленно отрывая от виска мою ладонь, но не отпуская. И я отвечаю, поднимая лицо. Почти с вызовом.

— Да.

— Что, не достаточно согрела вчера? Или любишь упрямых?

Парень грубо наступает на шаткий мост моих совершенных ошибок, широко растянувшийся подо мной, и мост тут же шатается, раскалываясь на острые щепы. Заставляя терять равновесие.

— Люблю погорячее, под стать себе. Чтобы сразу и к делу. Я, знаешь ли, вообще многих люблю. Очень активно.

Я отвечаю неожиданно зло и едко, но парень и не думает покусаться на мое ехидство.

— Для «активно» ты слишком честна, Коломбина, — вновь хмурится от боли, закрывая глаза, запросто возвращая мою ладонь на свой висок. — Все же ты никудышная артистка.

— Много ты понимаешь.

— Поверь, милая, куда больше, чем ты.

— Отпусти, — вновь прошу Бампера, когда он, отвернув голову к подушке, кажется, собирается уснуть. — Мне пора домой.

Он тут же с неохотой возвращает взгляд, отпуская руку.

— Ты замерзла. Пальцы, как ледышки.

— Я просто устала.

— Надень мою куртку. Здесь полно мужиков, а ты почти раздета. В кармане деньги и телефон — возьми себе такси.

Ну надо же! Какая трогательная забота в благодарность за две минуты бешеного секса! Рыжий поднял мне настроение, и я почти с улыбкой смотрю на него, вставая со стула. Подобрал с пола упавшую заколку, подтягиваю на груди топ и одергиваю юбку, оголившую в

разрезы бедра.

— Обойдусь, кабальеро. Извини, пришлось заглянуть в твоё увесистое портмоне — отстегнуть врачам за помощь, так что деньги тебе ещё пригодятся. Не уверена, правда, насчет остального содержимого, — намекаю на ленту аккуратных фольгистых пакетов, затесавшихся между купюрами, — но мало ли. Ты у нас парень не промах. А телефон найдешь под подушкой — я поставила на беззвучный.

— С ума сошла... — устало бросает Бампер, и не думая смущаться по поводу найденных в его бумажнике презервативов.

— Что?

— Ты себя в зеркале видела?

— Нет. Не удосужилась как-то. Не до того было, знаешь ли.

— Вызови такси, Коломбина, будь человеком. И куртку надень, не выкаблучивайся. Даже я — полудохлый — свой засос на твоей груди вижу, не говоря о большем. Ткань на кофточке — дерьмо. Хочешь доехать с приключениями?

Я опускаю голову, и тут же прикрываю грудь руками, с опозданием скрывая то, что уже и так давно выдано с головой. Моя куртка осталась где-то в клубе, лосины сидят на голой заднице... и все же это последнее, о чем я думала, отвешивая Медведку отрезвляющие тычки, отбивая его у охраны, влетая вслед за Рыжим в карету скорой помощи.

— Ой, как мне хреново! Умираю! — голосом издыхающего монарха хрипит парень, бледнея, и я спешу наклониться к нему, разом теряя весь свой боевой запал.

— Что? Тебе хуже? Тошнит? Позвать врача?.. Лед? Воды? Грелку? Что нужно? Говори!

И он говорит. Обхватив меня за плечи и притянув к себе, Рыжая сволочь шепчет в ухо без зазрения совести и не смотря «на»:

— Прежде чем ты уйдешь, а я умру, Коломбина, я признаюсь, что у тебя не только вкусная грудь, но и потрясающий рот! Сил нет смотреть! Если бы ты знала, какие мысли мне — умирающему — сейчас приходят на ум, пока ты тут нарочно дуешь губы, нечестно играя со мной, а парни на тебя пялятся... Посмотри, девочка, я одеяло не сильно приподняло? Где ниже пояса? Все прикрыто, как следует? Все же люди вокруг, а я больной, неудобно...

— Что?! — Я отшатываюсь от парня, как от прокаженного, изумленно распахивая глаза и сбрасывая с себя его цепкие руки. — Играю? Нечестно играю? — потрясенно спрашиваю, отступая на шаг. Все еще не веря, что он сказал это всерьез. — Я?!

— Ну да, — невозмутимо дергает уголок рта Бампер, тут же демонстрируя хриплым стоном свою немощь. — Вот и сейчас надула губы, — тычет в лицо обвиняющим пальцем, — как будто тебе вчерашнего мало. Провокаторша!

Ну, все! С меня хватит! И переживаний, и бессонной ночи, и общества этого клинического дурака!

Я разворачиваюсь и хватаю первое, что попадает под руку — чужую подушку с соседней койки. Занеся ее — тяжелую и сбитую — над головой, примеряясь, как бы поточнее, с первого раза, чтобы не мучился, прибить ею ухмыляющегося, полудохлого гада, шиплю взбешенной кошкой, выдыхая сквозь зубы:

— Ах ты... идиот чертов! Морда Рыжая! Капотипище Ржавое! Нарочно, говоришь?.. Я тут за него переживаю, а ему, видишь ли, мысли приходят на ум! Кофточка ему моя не нравится! Да я тебя сейчас сама отправлю в бессознательное и вечное! Вместе с приподнятым одеялом! Понял?!

— Тш! Тш! Спокойно! Держи себя в руках! — парень выставляет перед собой руку, но в

этот раз он зря надеется на мое сочувствие! Я и не думаю отступать от своих слов.

— Держи себя в руках? Ну уж нет, Рыжий, доигрался!

Я надвигаюсь на него, намереваясь привести угрозу в действие, когда Бампер вдруг неожиданно легко отмахивается от меня.

— Я не тебе Коломбина, — говорит, с усилием отрывая голову от подушки. — Мам, все нормально! Все хорошо, слышишь? Это я виноват! Только я! Успокойся!

* * *

Это было неожиданно — удар в висок из-за плеча и тьма в глазах. И все же, прежде чем потерять сознание, я успел увидеть довольную ухмылку на лице дружка Коломбины и услышать испуганный вскрик девчонки.

Твою мать! Клянусь, если не сдохну, за эту подлость, парень, я оторву тебе яйца!

Я прихожу в себя долго. Голова раскалываясь надвое, к горлу подкатывает тошнота, но прежде, чем открыть глаза, чувствую на своих висках руки.

— Господи, я убью этого Медведа. Чертов дурак, что натворил! А ты тоже хорош, Рыжий. Старается он... Слышишь? И что теперь делать?..

Шепот Коломбины больше похож на вздох. Он первым планом проходит на фоне приближающегося шума, а сразу же следом за ним:

— Девушка, не мешайте! Да отойдите же! Позвольте мне осмотреть пострадавшего.

Нет! Свет такой яркий, что стон выходит особенно громким и протестующим в образовавшейся вдруг тишине.

— от-твали...

— В машину и в клинику!

— Доктор...

— Разберемся на месте!

Вместо мыслей — пустота. Вместо черепной коробки — жестяное ведро. Перспектива смещается, и вот с грубого зеленого сукна, вставшего перед глазами, в ведро с грохотом один за другим скатываются бильярдные шары. Один... второй... третий. Они гулко ударяются о тонкую жесть, перекатываются костяными боками, заставляя пустоту стонать и греметь от боли, а желудок вывернуться наизнанку.

Бах. Бах. Бах.

Твою мать! Выключите этот долбанный звук!

Игла вгоняет в вену обезболивающее, и я засыпаю.

Холодно и мутно. Но куда легче, когда виска вновь касается рука, убирая волосы.

— Мама? — Я так много раз звал ее, зову и сейчас. Ту, что всегда была рядом.

— Нет. Но мама тоже скоро здесь будет. Извини, я все-таки позвонила, — знакомо, и все же несколько неожиданно.

Коломбина? В моей спальне?.. Когда я успел привести ее в дом?.. И почему Шрэк не пыхтит над душой, привычно забравшись в постель?

— Таня? — Сиплый, уставший голос девушки вырывает меня из полусонного забытья, заставляя открыть глаза и убедиться, что ее голос мне не приснился.

Не приснился. Как и смутный образ больничной палаты, дежурный врач с воскрешающими манипуляциями, салфетки у рта и накрывшая покрывалом головная боль, —

бьющая в виски, пульсирующая, не позволяющая, как следует сосредоточить на девчонке взгляд.

— Нет, не Таня. Коломбина.

Глаза щурятся от яркого света, девчонка наклоняется ко мне, возвращая холод на пострадавший висок, а я, как первобытное животное, вместо холода, встречаю обострившимися чувствами тепло ее полуголого тела, задаваясь вопросом: неужели мне не показалось, и все это время она была рядом?

— Мне хреново, Коломбина. — Прости, детка, что предстаю перед тобой вот таким дохляком, но изменить положение вещей сейчас вряд ли возможно.

— Я вижу. — Она говорит прохладно и устало, как будто действительно видит меня насквозь. Почти ощутимо отпуская с плеч гнетущую ее тяжесть, и я вдруг понимаю, что именно сейчас она захочет уйти.

Не знаю, что изображаю в лице — чертова боль почти лишила меня нормальной мимики, я просто нахожу ее руку, заставив Коломбину с беспокойством податься навстречу:

— Что? Тебе холодно? Убрать?

— Нет, — крепко обхватываю тонкое запястье, обещая себе, что не отпущу. — Посиди так со мной. Просто посиди.

Я прошу, и она сидит. Терпеливо, не отводя взгляд. Мне еще не приходилось видеть ее такой — молчаливой, без привычного вызова в глазах, и я изучаю черты ее лица, запоминая их даже сквозь качающую меня на волнах тошноты боль.

— Отпусти. Время вышло. Если не убрать лед, можно запросто обморозить мягкие ткани. Слышишь? Я серьезно.

Нет. Я убираю лед, возвращая ладонь Коломбины на висок. Закрываю глаза, вжимаясь лбом в эту ладонь, чувствуя, как она оттягивает боль на себя.

— Эй?

— Я замерз. — Да, я чертов эгоист, знаю. Но если мне так легче, тебе, девочка, придется потерпеть.

— Сочувствую, но мне неудобно. Я могу упасть на тебя.

— Валяй, — о да! Я бы сейчас не отказался спрятать голову куда-нибудь поглубже в ее тело. Я на миг приоткрываю веки, встречая мягкий свет карих глаз — удивленный и неожиданно смущенный. Провоцировать Коломбину — одно удовольствие, жаль, что последние несколько часов я слегка не боеспособен. Хотя румянец на щеках девчонки доказывает обратное.

Она бормочет и злится, но ее злость приправлена растерянностью и жалостью, и я, не выдержав оценивающего взгляда, интересуюсь:

— Что, все настолько плохо? Жалко Рыжего?

— Есть немного, — неохотно признается она, и вдруг вздергивает подбородок. — Медвед поступил подло, но ты тоже хорош! Кто тебя за язык тянул с твоими намеками? Зачем конфликт спровоцировал? Мне девчонки рассказали. Он же слишком прост для тебя — Мишка.

Ого! Неожиданно. Я оказываюсь не готов к эху чужого имени, внезапно вставшему между нами. Не тогда, когда Коломбина от меня так близко, а вчерашний вечер еще свеж в памяти картиной обнимающейся парочки.

— Скажи своему ревнивому хлыщу, что я верну должок. Пусть не надеется, что отшиб мне память.

— Он не мой хлыщ, — спокойно и уверенно, пусть это и разнится с тем, чему я стал свидетелем.

— Ну да. Я сам видел, как он тебя лапал. — Мне вдруг совершенно плевать на выражения и на то, как глохнет мой голос. Даже на боль таранящую висок — плевать. Я просто не хочу это держать в себе. — Не сочиняй, девочка.

— Ты меня тоже лапал. И даже больше. И что это меняет в наших отношениях?

Бравада Коломбине не удастся. Какой бы стеной равнодушия она не отгородилась от своих слов и от меня, ее не умеющие лгать глаза говорят о том, что девчонке больно от совершенных поступков.

Мудак — вот кто я. Трусливый мудак, не знающий, что он хочет. Точнее, знающий, но признание слишком отрезвляет, чтобы с готовностью принять его. И все же, в отличие от девчонки, я позволяю себе быть хоть отчасти честным:

— В наших отношениях, Коломбина, это меняет все.

Она смотрит на меня так, как будто пытается распознать в моих словах ложь и не может. Внимательно, задумчиво, отпуская мысли, невольно открываясь в своем молчании. Еще никогда я не был ближе с девушкой, чем в этот момент с Коломбиной, и это открытие удивляет и завораживает меня. Так же, как она сама.

— Не карие и не зеленые, почему?

— Что? — ее вопрос застает меня врасплох.

— У тебя глаза, как небо. Почему? Разве такие бывают у рыжих?

— Не знаю. А что, нравятся?

— Нет, — приходит она в себя, наткнувшись на мою ухмылку, невольно скользнувшую на губы после ее слов.

— Врешь. — Врет и, в отличие от Коломбины, мне это знание по душе.

— Иди к черту со своими шарадами!

Она отворачивается и прячет взгляд. Запускает пальцы в спутанные волосы, мягкими прядями упавшие на лицо. Неуверенным движением заправляет их за ухо, открывая моим глазам шею, оголяя плечо...

Такой должна быть женщина после ночи любви — уставшая, томная, без грамма косметики, одним лишь присутствием притягивающая к себе. И я не могу не смотреть на нее, замечая следы своего нетерпения на ее шее... ключице... груди. Черт, эта желтая шпукovina на теле Коломбины сидит так низко, что я могу видеть нежные полукружия грудей, натянувшие ткань между острых вершинок, да и сама кофточка мало что скрывает. Только вот девчонке, похоже, все равно. Не видно, чтобы она намеренно дразнила меня.

Только не она.

Да, тот, кто придумал подобную одежду, — был чертовым развратником. Совершенно определенно! Я что-то треплю Коломбине про ее внешний вид, обещаю вспомнить подлому дружку обиду, а сам, развивая мысль дальше, прихожу к выводу, что красивее голых женских плеч может быть только такая же голая и нежная женская задница. Желанная задница, если уж честно. Солнечный луч светит в спину Коломбине, и кожа на плечах и руках девчонки кажется прозрачной. Словно в ответ на мои мысли, она вновь убирает волосы за ухо, обнажая шею, заставляя тут же почувствовать себя мнимым больным. Потому что даже в таком виде — дохлой, гулкой жестянки — я реагирую на ее близость так же, как в нашу первую встречу — знакомо натягиваясь в паху желанием.

— Много ты понимаешь, — ворчит сердито, когда я отказываюсь участвовать в ее

самобичевании, и со вздохом закусывает уголок нижней губы, уходя в себя...

— Поверь, милая, куда больше, чем ты.

Губы.

Губы.

Губы.

Ее губы...

Они раскрываются — до сих пор вспухшие от наших поцелуев, яркие от прилившей к ним крови, потрясающе-манящие рисунком обветренных трещинок, — и вот я уже ни черта не слышу. словно жалкий озабоченный голодом сопляк, я смотрю на них и рисую себе картину, где позволяю этим губам самым бесстыжим образом ласкать меня. снова и снова. Изучая и согревая. Приручая. Я представляю это себе слишком живо, неожиданно учащаясь в дыхании, выключая боль, принимая прикосновение руки девчонки к виску, как обещающую наслаждение ласку... и тут же, опомнившись, отворачиваюсь к стене, чтобы дать боли возможность встряхнуть меня. И, вместе с тем, успокоить.

— Отпусти. Мне пора домой, — очень тихо. — Правда, пора.

Да, я последний эгоист, не понимающий, что он хочет, но отпустить девчонку непросто.

— Ты замерзла.

— Я просто устала.

Это правда. Разрозненные картинки прошлой ночи все ярче вспыхивают в голове, возвращая память. Коломбина не умеет играть, она действительно все время была рядом, и сейчас, когда я вновь смотрю на нее, когда понимаю, что если бы и умела, она бы и вполтину так не влекла меня, во мне просыпается новое чувство, далекое от первобытных инстинктов.

— Надень мою куртку. Здесь полно мужиков, а ты почти раздета. В кармане деньги и телефон — возьми себе такси. И ради Бога, избавь меня от пристального внимания волчьих глаз, рассматривающих твой зад!

Я предлагаю девчонке деньги, но она смеется, наконец оставляя меня.

И когда с ней было легко?

Устало поправляет на себе одежду, едва не обнажаясь тем еще больше, и без стеснения замечает мне по поводу качественных резинок, бесхозно валяющихся в моем бумажнике со времени свадьбы Люка. Дурость, привычка, глубоко засевшая в мозгах, но каждый раз задумываясь о близости с не-прочь-разделить-время-на-двоих-девчонкой, в сравнении с Коломбиной все кажется серым и пресным.

— С ума сошла...

— Что? — поднимает она на меня глаза, поправляя волосы.

— Ты себя в зеркале видела? — Я слишком увлекся вчера ее левой грудью и теперь даже сквозь тонкую ткань топа вижу пятнышко — у самой кромки — очень похожее на родимое. Не говоря уже о шее и губах, где вспышки засосов на нежной коже девчонки так и кричат о том, что у нее была бурная ночь. А в партнерах — сущий придурок, которому стоило бы быть куда сдержаннее и дальновиднее в своем напоре.

— Нет. Не удосужилась как-то. Не до того было, знаешь ли.

Все верно, не до того. Но я виновен в том, что мы оба оказались здесь, лишь отчасти. От той части событий, когда увидел Коломбину, а после шел за ней, как цепной щенок за поводырем, не в силах отвлечься ни на что иное.

Девчонка растерянно оглядывает себя и закрывается руками, в смущении сжимая губы.

На щеки наползает румянец, но глаза загораются знакомым блеском, и этот горделивый блеск говорит о том, что она не примет мою заботу ни под каким соусом. А, возможно, и пошлет к черту. И правильно сделает! О приключениях — это я зря сказал. И про кофточку — тоже. Уже зная Коломбину, подозревая в ней склонность к самоедству, стоит предположить, что после сегодняшней ночи, после всех сказанных нами слов, она попытается вычеркнуть меня из своей жизни, гордо убравшись подальше хоть нагишом!

Чтобы вернуться к хмырю. Как вариант. Почему нет? Сочувствия в Коломбине к болезным и сирым — хоть отбавляй! А посочувствовать парню можно. Авансом на будущее.

Я прибегаю к хитрости просто потому, что не могу так просто отпустить ее, а удержать не в силах. То, что движет нами — мучает нас двоих, и она должна признать это. Я не намерен оставаться на игровом поле один, пусть не надеется спустить с рук все случившееся и забыть. Насколько бы хреново я себя сейчас ни чувствовал, моих сил хватит, чтобы дотронуться до нее, заглянуть в карие глаза, и еще раз напомнить о вчерашнем. Оставив пожар полыхать дальше. Это самое малое, что я могу и что должен сделать для нас.

— Прежде чем ты уйдешь, а я умру, Коломбина, я тебе признаюсь, что у тебя не только вкусная грудь, но и потрясающий рот! Сил нет смотреть! Если бы ты знала, какие мысли мне — умирающему — сейчас приходят на ум, пока ты тут нарочно дуешь губы, нечестно играя со мной, а парни на тебя пялятся... Посмотри, девочка, я одеяло не сильно приподнял? Где ниже пояса? Все прикрыто, как следует? Все же люди вокруг, а я больной, неудобно...

Я произношу это все девчонке, крепко держа ее у своего лица, вдыхая теплый запах тела, и от неожиданности Коломбина немеет. Отшатывается от меня, словно ожегшись, отталкивая от себя и отступая.

— Играю? Нечестно играю? — спрашивает нетвердым голосом, удивленно моргая. — Я?!

— Ну да. — Мои слова звучат слишком грубо и откровенно в этот утренний час в больничной палате, а хитрый прием с «последним вздохом» — жалок и почти театрален. Я чувствую, что меня заносит, но остановиться не могу. Дразнить Коломбину, лбом прошибая ее упрямство, куда приятнее, чем ждать боль, готовую в любую секунду взрезать висок. И куда легче, чем поверить в возможное равнодушие девчонки. — Вот и сейчас надула губы, как будто тебе вчерашнего мало. Провокаторша!

— Что?! — выдыхает она, опуская руки. — Ну знаешь...

Она зажигается быстро, как спичка. Все же темперамент у девчонки — огонь, а я пережал пружину ее терпения — факт! В одно стремительное движение Коломбина срывается с места и хватает с соседней койки подушку. Занеся ее — ущербную и сбитую — над головой, нависает надо мной, раздувая от гнева щеки, сверкая глазами, а я, как последний дурак, вместо того, чтобы срочно вымаливать у девчонки прощение, любуюсь перед смертью ее голыми руками и упругой грудью. Потому что она почти наверняка сейчас придушит меня, просто упав с подушкой сверху.

— Ах ты... идиот чертов! — Больше не стесняясь любопытных ушей и глаз. — Морда Рыжая! Капотипще Ржавое! Нарочно, говоришь?.. Я тут за него переживаю, а ему, видишь ли, мысли приходят на ум! Кофточка ему моя не нравится! Да я тебя сейчас сама отправлю в бессознательное и вечное! Вместе с приподнятым одеялом! Понял?

«Понял», — только собираюсь ответить я под робкий смех соседей, как вдруг слышу удивленный вскрик и замечаю мать, вошедшую в палату и остолбеневшую у порога. В редкую минуту шока и изумления потерявшую дар речи. Женщину, как всегда идеально красивую

холодной осенней красотой, пусть и не успеваю как следует уложить волосы в прическу, зато надевшую привычные каблуки и новый, цвета спелого персика костюм из своей последней коллекции, так идущий к ее темно-рыжим волосам и любимой, нежно-коралловой сумочке «Шанель», привычно переброшенной через согнутый локоть.

Она стоит и смотрит на взъерошенную Коломбину, осмысливая представшую ее глазам картину, а я понимаю, что у меня есть две секунды, чтобы предотвратить надвигающийся цунами, потушить прометеев огонь, вспыхнувший праведной искрой в голубых глазах матери, и спасти от возмездия — и дорогого французского маникюра — честное лицо девушки, которая мне — я признаюсь себе в этом, наверно, в полной мере именно сейчас — небезразлична.

— Тш! Тш! Спокойно! Держи себя в руках! — Я стараюсь быть убедительным, несмотря на боль, выбравшую подлый момент, чтобы прострелить висок насквозь. — Мам, все нормально! Все хорошо, слышишь? Это я виноват! Только я! Успокойся!

Но Людмила Карловна уже стоит напротив Коломбины, по другую сторону койки, и цепко смотрит в глаза незнакомке, посмевшей замахнуться на ее единственного, горячо любимого сына. Нелицеприятно, но справедливо обозвавшей его идиотом, надменно раздувая тонкие ноздри, как и положено особе благородных кровей, чья прабабка расстаралась вовсю, чтобы выйти замуж за польского дворянина.

— И как я должна расценить ваше поведение, уважаемая? Как нападение на тяжелобольного? Или просто неподдающуюся здоровой оценке выходку?.. Вы, милочка, видимо, забыли, где находитесь! — она смеряет Коломбину критическим взглядом, и я вижу, как он тут же с брезгливым фырком цепляется за ужасные фиолетовые лосины и короткую юбку девушки, вздернувшуюся на бедре. На миг закрывается, прячась за длинными ресницами, наткнувшись на желтый топ. — Немедленно отойдите от постели моего сына, слышите, иначе я за себя не ручаюсь!

— Ма, тормози!

— Витя, помолчи!

— Кому сказал, Карловна, не лезь! — да, мне приходится повысить голос, но когда на тебя мчит тепловоз, следует применять экстренные меры.

Коломбина стоит, выронив подушку, обхватив голые плечи руками, и смотрит куда-то мимо меня в угол комнаты. Отстраненно и холодно.

— Таня, — мне не удастся поймать ее руку. — Извини. Я дурак.

— Сынок, пусть девушка сама объяснится!

— Мам, пожалуйста, не начинай, а? Я же сказал, что сам виноват. Тань...

Но Коломбина молчит. Словно сжавшись вся под нашими взглядами, она отступает к двери, отворачивается... но вдруг останавливается и возвращается назад. Осторожно наклонившись, чтобы не коснуться меня, избегая смотреть в глаза, говорит так безразлично и тихо, что от ее слов ползет мороз по коже:

— Никогда. Никогда не попадайся мне на глаза, слышишь? Не подходи ко мне и не заговаривай. Никогда. Не то... Клянусь, Артемьев, я возненавижу тебя еще больше. И себя... — уже отвернувшись и ускорив шаг. — Себя тоже возненавижу!

Коломбина ушла, и в палате стоит тишина, пока я осознаю услышанное, а больные делают вид, что им нет дела до суеты наступившего дня и коснувшегося их слуха разговора. Мать осторожно садится рядом, опуская руку на мой лоб, — аккуратно на то место, где лежала рука Коломбины, — накрывая меня облаком дорогих духов и знакомым чувством покоя.

Убрав волосы, замечает тревожно:

— Ну вот. Кажется, у тебя поднялась температура. И этот ужасный синяк... Врач сказал, что все обойдется, но, сынок, как же так, а?

— Вот так, мам. Бывает.

— Что, действительно виноват?

— Похоже на то.

— Это было неприятно. Я твоя мама, ты должен меня понять.

— Согласен. Но я заслужил, поверь.

— Она... необычная — эта девушка.

— Наверно.

— Это она звонила?

— Да.

— По телефону была очень вежлива. Сказала, чтобы я не волновалась, объяснила ситуацию и пообещала, что пробудет с тобой до моего приезда.

— Как видишь, обещание выполнено. Можно сказать: сдала тело с рук на руки.

— Вить, перестань! Не то не посмотрю, что бугай, наподдам по заднице! Скажи спасибо, что отец не слышит! Не стала ему в Германию звонить, у него и без нас с тобой хлопот хватает с партнерами. Завтра прилетит — узнает. Сначала хотела сама убедиться, что ты жив-здоров.

— Как видишь. Да все нормально, мам, — спешу улыбнуться дорогим глазам, хотя на душе паскудно. — Выживу. В первый раз, что ли?

— Не в первый, но, дай-то Бог, сын, чтоб в последний! Мало мы с отцом в семнадцать от твоих драк натерпелись! Пора бы уже и повзрослеть! Так кто эта девушка? — спрашивает между прочим госпожа Артемьева, напрягаясь в лице. — Не знаю, кто из вас виноват, но мне она показалась крайне неуравновешенной особой. А ее внешний вид...

— Ма, не начинай, пожалуйста.

— И все-таки.

— Мне нравится. Ясно?

— Что? — вот теперь мать удивлена по-настоящему. — Что нравится, Витя?

— Не что, а кто, — возражаю я, закрывая глаза. Желая, чтобы этот разговор быстрее закончился.

— Сынок, ты, видно, шутишь?

— Ничуть, — я вдруг чувствую обиду за Коломбину и накатывающее на меня раздражение.

— Но как же Оля... Сынок, я думала, вы понравились друг другу. Такая утонченная и перспективная девушка. Да это смешно! Ты просто слишком серьезно воспринял помощь своей грубиянки, уж не знаю, что там между вами произошло! Я надеюсь, мы к вечеру оба достаточно остынем и придем в себя, чтобы больше не вспоминать о ней, о том, что здесь произошло, и уж тем более, никогда не видеть.

Имя любимой модели матери заставляет меня вспылить. Каждый раз одно и то же! Единственное, что я могу сделать для Карловны, это сказать все достаточно тихо, чтобы слова рассеялись, едва просочившись сквозь зубы.

— Наташенька, Лерочка, Леночка, Лиза... Мать, кого я еще должен трахнуть, чтобы ты, наконец, самоудовлетворилась, оставив меня в покое? Чтобы осталась довольна своим сыном? Я сам буду решать, кого видеть, а кого — нет. Я давно вырос из сшитых тобой

портков. Извини, но это моя жизнь и мой выбор, нехрен их на меня натягивать!

— Виктор, ты с ума сошел? — в голубых глазах матери больше изумления, чем обиды. Я всегда был слишком непослушным и неуправляемым, чтобы по-настоящему задеть ее. — Ты как с матерью разговариваешь? Знаешь, вот прав Максим, когда говорит, что мы избаловали тебя. Бессовестный! Никакого уважения к родителям!

Я молчу, и мать тихо выдыхает, опуская плечи:

— Витя, сынок, ты меня пугаешь. О каком выборе ты сейчас сказал? Это ведь не то, о чем я подумала? Это просто еще одна девушка, так ведь? Так? — переспрашивает меня через минуту, когда я тяну с ответом. — Ну, скажи?

* * *

Нет, не так. Почему у меня все не так, как должно быть у нормального человека? Семья, отношения с другом, расставание, даже близость... Почему? В чем я постоянно ошибаюсь?

Как же все глупо и до обидного нелепо в моей жизни. Так же нелепо, как нелепа я сама — безголовая, смешная Коломбина! Которой легче отрезать себе голову, чем отмерить сто раз по волоску!

Я снова вспоминаю сцену вчерашнего «знакомства» с матерью Бампера, ее приход в палату к сыну и свои дикие действия в отношении «больного», не важно, чем спровоцированные, и тут же закрываю глаза, прижимая холодные ладони к вискам — вот же дура! Так опозориться! Да на ее месте, я бы себя пристрелила! Да захоти я специально выставить себя в худшем свете — так удачно не вышло бы! И пусть я триста раз, уговаривая себя, повторю, что мне плевать на Рыжего, на его мать и на весь мир в придачу... поверить в это не получается.

Но, почему, почему мне не все равно? Я же помню, как эта женщина смотрела на меня. Как на пустое место. Как на использованную жевательную резинку, прилипшую к ботинку ее сына. Как на странное недоразумение. Насмешку злого дня! Я ведь не идиотка, сразу поняла, что шокировала ее своим внешним видом. Вот только до того, как эта оценка отразилась в ее красивых глазах, мне совершенно точно было чихать на то, как я выгляжу, а потом... А потом стало стыдно. За себя. Снова.

Лучше бы я не смотрелась в это чертово зеркало в больничном холле! И лучше бы никогда в глаза не видела мать Бампера! Тогда бы контраст не стал таким ярким и тошнотворно мучительным. Особенно болезненным и обидным.

Потому что сама виновата. Сама. Как всегда. И дело вовсе не в Рыжем.

Но, все же, какая красивая женщина. Как Джулианна Мур — холеная, изысканная, состоявшаяся. Знающая себе цену, не то что некоторые. А сын так похож на нее. Те же губы, волосы, глаза, даже взгляд... Я знаю, как он умеет смотреть. Я все еще помню нашу первую встречу и его слова. Да и потом — у клуба, с Мишкой. Такой взгляд передается по праву рождения и только любимчикам фортуны, не иначе. Я просто ошиблась. Ошиблась, когда подумала, когда мне показалось, что вчера его взгляд был другим. Теплым. Как мои руки, к которым он тянулся и не отпускал. А оказалось...

Доступной девушке, доступные выражения. И, собственно, заслуженная благодарность. Так что тут без взаимных претензий. Просто обидно, что не сдержалась и что напоследок выдала себя. Зачем-то взяла и узнала у Женьки фамилию Бампера. А она еще посмеялась и

напомнила слова Ильи о том, что Рыжий всем нравится.

Нет уж, не нравится. Только не мне. Ведь не может то, что между нами происходит, быть симпатией? Это просто помешательство тела и разума, какой-то неконтролируемый нами химический процесс, и пусть сердце хоть трижды барабанит в ребра. Так не бывает!

К чертовой матери все! Хочу домой, к отцу! К тому, кто принимает меня такой, какая я есть. Кто никогда не отвернется и не осудит, потому что любит. И ждет.

Хочется верить, что ждет.

— Танька! Крюкова! Держи зачетку! — кричит Лилька, спрыгивая с лестницы, протискиваясь навстречу сквозь шумную толпу студентов. — Все, Демченко всей группе автограф поставил, так что об эконометрике можно забыть! Здорово, да? Терпеть не могу этот предмет! Муть полнейшая!

— Просто отлично, Лиль. — Я отбираю у подруги зачетку и прячу в сумку. Поприветствовав взмахом руки знакомую девчонку с параллельного потока, направляюсь по коридору в сторону учебной аудитории, где ожидается лекция по «Финансовым рынкам» и подготовка к очередному коллоквиуму.

— Тань?

— Что?

— Ну, не молчи! — вновь канючит за плечом девушка, ускоряя шаг, легко возвращаясь к закрытой мной теме. — Чего как гусыня надутая!

— Ты снова за свое, Еременко? — я даже не оборачиваюсь. — Я же сказала, что не в настроении. Поболтаем как-нибудь в следующий раз. Хорошо?

— Не хорошо! — упрямо возражает Лилька. — Изменений в твоем настроении, Крюкова, можно ждать семь лет и три года, а меня любопытство распирает так, что мочи нет терпеть прямо сейчас! Смилуйся, а? Неужели так сложно рассказать подругам, куда из клуба пропала и с кем? Это что, тайна?

— Считай, что да, — невежливо отрезаю я, изрядно устав к концу второго дня динамить любопытную соседку. Ни Бампера, ни Мишку после всего случившегося девчонки не видели. Все решила охрана клуба — быстро и оперативно, воспользовавшись черным ходом.

— Ну, хорошо, — соглашается девушка. — Не хочешь говорить — не надо. Слава Богу, цела и невредима вернулась. Между прочим, если бы не мы с Настёной, — повторяет в десятый раз, — ты бы лишилась куртки и телефона! А так... Та-ань, ну, скажи! — впивается в локоть, прижимаясь к плечу. — Это же он, да? — семенит рядом, заглядываясь на мой подбородок. — Вот это, на шее, — без стеснения тычет пальцем, — Бампер?.. Я же видела, как вы друг на друга смотрели!

— Еременко! — я сержусь, натягивая высокий воротник футболки на самое горло. Как можно выше. — Тебе что, поговорить не о чем?

Мы останавливаемся у широких дверей аудитории и смотрим друг на друга. Скрыть что-либо от общежитских девчонок непросто, и я стараюсь держать лицо.

— Не-а, — ничуть не смущается Лилька, игриво ероша свой хвост. — О чем я должна говорить по дороге на нудную лекцию, Крюкова? — устало закатывает глаза. — О теории экономического развития аграрного сектора? Или о статистическом анализе?.. Нет уж, уволь! Это пусть наш Генрих Азарович перед студентами разоряется. Он у нас сейчас на повестке дня первый сказочник. К тому же, при ученой степени и на приличной зарплате!

Кто-то толкает меня в плечо, пробираясь к входу в лекционный зал, и я, буркнув подруге дежурную отговорку, увязываюсь следом. Молча поднимаюсь между рядами парт к

привычному месту и вдруг замираю, заметив сидящего там Серебрянского. При виде меня улыбнувшегося и предусмотрительно отодвинувшего стул.

Какого черта?

Он смотрит на меня и ждет, когда я спрошу, что побудило его вернуться на старое место, но у меня слишком плохое настроение и мне слишком безразличен ответ, чтобы докапываться до сути интриги. Я просто сажусь за парту, отворачиваюсь, раскрываю сумку и готовлюсь к лекции — очень серьезно и обстоятельно.

— Добрый день, уважаемые студенты! Рад видеть вас бодрыми, полными сил и, что немаловажно, присутствующими в данной аудитории. Прежде чем я озвучу тему сегодняшней лекции и непосредственно приступлю к работе, хочу еще раз заострить ваше внимание на проблеме посещаемости. Вынужден даже! Напоминаю вам, мои дражайшие молодые коллеги, и попрошу передать всем отсутствующим на сегодняшнем занятии студентам, что Генрих Азарович — крайне занятой человек! И не факт, что у него найдется время для внеурочных консультаций по предмету, а уж тем более для выслушивания ваших жалких оправданий и фантастически интересных историй на тему: «Как я потерял память» или «Миссия сдачи сессии — невыполнима».

Итак, на чем мы остановились в прошлый раз? Правильно, Захарова — «Финансы и финансовая система». Сегодня мы шагнем дальше и более детально рассмотрим такое понятие, как «Финансовый рынок». Что он собой представляет и как работает организованная система торговли финансовыми инструментами. Вспомним элементы структуры финансового рынка и формы движения капитала. А так же определим функцию, роль и задачи последнего в воспроизводстве рыночных отношений.

Уважаемые! Взяли ручки, я, в свою очередь, мел, и потрудимся еще раз зачернить конспект и забелить доску всем нам известной и детальной схемой...

Генрих Азарович замечательный лектор, мне интересен предмет, и через пять минут тщательного конспектирования я почти забываю о сидящем рядом Серебрянском, старательно следуя требованиям преподавателя.

— Хорошо провела выходные? — голос Вовки звучит холодно, лицо повернуто ко мне, рука, лежащая на столе, сжата в кулак, и мне вновь хочется задержать на шее воротник повыше.

— Не жалуюсь.

— Я вижу. Быстро же ты... нашла мне замену, Крюкова. — Мое молчание говорит само за себя, и парень решает, что вправе продолжить. — Всего ничего, как расстались, и на тебе — сюрприз. А еще говорила, что любишь...

Странно, но упрек абсолютно не трогает меня, как и волнение — голос.

— Ты тоже много чего говорил.

— Ты сама виновата. Я просил, помнишь? — не стесняется напомнить Серебрянский. — У меня дома и раньше. Неужели так сложно было понять и прислушаться? Ничего бы не случилось, и мы были бы вместе, если бы ты...

Это слишком и все еще больно — обида, предательство Вовки, его отказ от меня. Не отрывая взгляд от конспекта, чувствуя в душе просыпающееся раздражение, я честно предупреждаю свою недавнюю симпатию, чтобы держал свои мысли при себе:

— Еще одно слово, Серебрянский, и пожалеешь, что сел рядом. Ты меня знаешь.

Знает, а потому молчит. Достаточно долго, чтобы я успела исписать два чистых листа предметной информацией прежде, чем он вновь решился затронуть меня. Но Серебрянский

не был бы сам собой, если бы не напомнил, чем он взял меня в первый раз. Как только я успокаиваюсь и с головой ухажу в спектр использования денежного капитала и его влияния на социально-экономические отношения, на мою половину парты ложится свернутая в трубочку записка.

Смешно! Неужели это когда-то развлекало и умиляло меня?

Только не сегодня. Не тогда, когда я перевернула страницу своих ошибок, а следом еще одну, безуспешно пытаюсь найти оправдание своим поступкам и выбросить из головы одного наглого рыжего типа. С такими яркими голубыми глазами, что в них можно смотреться как в небо до бесконечности, думая о всякой ерунде.

Я продолжаю писать, и через пять минут рядом с первой запиской ложится вторая. Еще через время к ней добавляется третья... четвертая... и я уже еле сдерживаюсь себя от того, чтобы не вскочить и не заехать Серебрянскому сумкой или чем покрепче по лбу, напомнив тем самым о нашем последнем с ним разговоре.

Проходит пятнадцать минут, прежде чем Вовка решается заговорить. Но в этот раз его голос звучит надтреснуто и глухо.

— Таня, можно я сегодня приду к тебе? Пожалуйста.

Я даже не делаю вид, что удивляюсь.

— Нет.

— Я хочу. Я скучаю, Тань. Я был придурком, признаю. Просто вся эта ситуация с моей семьей и твоя несдержанность... В общем, я жалею, что так поступил. Я был не прав и никогда не думал расставаться с тобой по-настоящему. Просто хотел, чтобы ты поняла, как важно для меня, как важно для нас, чтобы ты изменилась. А ты такая равнодушная. Да еще и вот это... — Палец Вовки неожиданно касается моего подбородка. — Это больно.

Вот теперь я вскидываю голову.

— Больно? — выдыхаю куда горче, чем мне бы того хотелось. — Больно, Серебрянский, это когда твой близкий человек напрямую говорит, что ты его разочаровала и уходит к другой. Когда отворачивается от тебя, не дав опереться о плечо, зная, что ты в этом плече так нуждаешься. Когда его «вдруг» смущают нормы поведения, которые он до этого вполне себе лицемерно принимал, и ты сама. Ты всегда знал, какая я. Я никогда не играла с тобой. Не подхожу? Не надо. Вали к монахам, праведник! Переживу! Но подачки за закрытыми дверьми мне больше не нужны!.. А вот это, — отдергиваю воротник футболки, полностью обнажая шею, — это не больно, Вовка. Это — теперь не твое дело, понял?

Не понял. Судя по тому, как обиженно поджались губы, и засопел нос — не дошло.

— Вот. Ты снова так поступаешь с нами, Таня. Как всегда. Сама ставишь рамки, за которые боишься перешагнуть.

— Что? — не понимаю я.

— Ты сказала — близкий человек. Слово «любовь» ничего не значит для тебя, Крюкова, потому тебе и не понять, как больно, когда твой не близкий, а любимый человек упрямится, вместо того, чтобы понять и пойти навстречу. Ты зацклилась на своей обиде и дальше носа ничего не видишь!

— Знаешь что, Серебрянский, я не собираюсь все это слушать. Вали к своей Сомовой! Кстати, а чего это твоя пассия сегодня ни кует, ни мелет? Ее не смущает то факт, что ты тут расселся?

Удивительно, но Вовка стыдливо краснеет, быстро скользнув взглядом по уткнувшейся в конспект подруге детства. Замкнутой, тихой девушке, но если отбросить личную неприязнь,

то вполне себе симпатичной.

— Наташа... понимает меня. Она хороший человек, но она мне больше друг, чем, э-э, чем...

— Чем кто? — я не жалею его. Подобные высокие отношения далеки от моего приземленного понимания.

— Я не люблю ее. А в качестве своей девушки — едва терплю и ничего не могу с этим поделать. Хотя старался, честно старался, но не могу.

— Зато она нравится твоим родителям.

— Да, — соглашается парень, — нравится. Всегда нравилась. А я, каждый раз, когда... — мой взгляд слишком прямолинеен, и все же он заставляет себя договорить, — когда я с ней, думаю: почему она — не ты. Почему тебя нет рядом? Когда мы расстались, я был уверен, что ты позвонишь. Одумаешься. Мне казалось, что я хорошо тебя знаю, Таня, ведь мы так долго были вместе.

— Зря стараешься, Серебрянский, — я отворачиваюсь и умудряюсь что-то писать под несмолкаемый голос лектора. — Я не приемлю шантаж ни в каком виде, так что ты изначально выбрал провальный вариант моего перевоспитания. Я верила тебе и ждала, до определенного момента. И простила бы тебе родителей, ты знаешь, как болезненно я воспринимаю свои недостатки. Но только до того момента, как ты вернулся к Сомовой и преподнес вашу связь, как выбор.

— Если бы ты только любила, ты бы меня поняла. И простила.

— Черт! Заткнись, а! Что ты разнылся, как девчонка! Я тебе не твоя Наташка, сопли не подберу, и не мечтай! Нечего меня взвешивать с ней на чаше весов, кто лучше и достойнее! Я — это я, и точка!

— Да, ты не она.

— Я хуже, — я отбрасываю ручку, больше не в силах делать вид, что слежу за темой лекции. — Хуже и когда-нибудь ты это окончательно поймешь. Я не прощаю предательства. Никогда, никому. Ни себе, ни даже собственной матери, не говоря уже о тебе, Серебрянский.

— Ты тоже, Крюкова, не была паинькой, — отрезает зло Вовка. — Я не слепой. И как он? — наклоняется к моему лицу, повышая голос. — Лучше меня знает, что тебе нравится и как? Тот, кто был с тобой? Я его знаю?

Это удар ниже пояса. Я достаточно корю себя сама, чтобы терпеть упреки, касающиеся моих поступков, от кого бы то ни было еще. Тем более от бывшего парня.

Я молчу, бледнея от злости, когда рука Серебрянского неожиданно ложится на мою шею, а большой палец касается щеки, поглаживая ее. Спустившись на подбородок, поглаживая след чужого внимания.

— Я подожду. Даже после всего — дам тебе время подумать, Таня. Понять, что мы оба погорячились.

Я вскакиваю стремительно, опрокинув стул. Не зная, что во мне вскричало больше — возмущение или тоска. Не так по Вовке, как по тому, что было так привычно и понятно. Очень близко сердцу, моим, пока его у меня не отобрали.

— Еще одно слово, и ты не достанешься даже Сомовой, Серебрянский, клянусь!

— Татьяна! — осторожно окликает меня лектор, когда я, сбросив в сумку учебные принадлежности, несусь к двери между рядами парт. — У вас что-то случилось?

И я отвечаю честно, прежде чем покинуть притихшую аудиторию:

— Случилось, Генрих Азарович. У меня случился жизненный коллапс!

Неразбериха. Тупик. Разочарование. Полная задница! А мне все никак не удается нащупать под ногой твердую почву, чтобы просто оттолкнуться и идти дальше. Все равно куда, лишь бы с целью и высоко поднятой головой.

Который день я так и топчусь на месте, тщетно запрещая себе копать в себе, просто дрейфуя по течению, с головой ныряя в спасительный омут учебы и подготовки к сессии, но мысли снова и снова то тут, то там подстерегают меня, заставляя врасплох.

Я не могу дожидаться выходных и сбегая в свой город уже в четверг днем, купив билет на трехчасовую электричку, оставив Лильку с Настей без своей компании в походе в кино. Этим утром из разговора с Женькой, выстроив целую цепочку обходных путей и вопросов, я узнала, что Рыжий в порядке — жив, бодр и замечательно здоров, и теперь даю себе полное право и настоящий приказ выкинуть парня из головы. Забыть! А если честно, то хотя бы попытаться, потому что забыть его не получается. Никак! Как и его слова, адресованные матери. Только сейчас пожелавшие обрести свой собственный смысл в моей голове. А именно, что сказаны оказались не в оправдание чьей-либо вины, из-за которой парень оказался в больнице, а в мою защиту. Словно Рыжему важно было защитить меня.

Глупость! Ерунда! И придет же в голову!

Родной Роднинск полон зеленой листвы, майской суеты и шума. Я иду по улице с рюкзаком за спиной, разглядывая дома, чувствуя тихую знакомую радость от того, что вернулась домой. Туда, где мне столько лет было просто и легко за широкими надежными плечами отца. Пусть иногда и немного одиноко без вечно отсутствующей мамы.

Я застаю Снусмумрика на детской площадке у своего подъезда, играющего с детьми. Рассекающего песок в старой песочнице колесами красной пожарной машины, бурчащего под нос знакомое: «Дрррр-дрррр-хэннэннэн! Ррррр!», — и только заметив худенького мальчугана, вспоминаю, что снова забыла предупредить отца о своем преждевременном возвращении домой.

Мысль о том, что он дома с Элечкой, заставляет меня застыть на месте и, сделав нетвердый шаг в сторону, опуститься на скамейку, поставив рядом с собой рюкзак.

[Купить полную версию книги](#)